

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Фридрих Евсеевич Незнанский

Ледяные страсти

Серия «Агентство «Глория»»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171432
Ф.Незнанский Ледяные страсти: АСТ; Москва; 2003
ISBN 5-7390-1258-9*

Аннотация

Молодая, перспективная и уже титулованная пара фигуристов Инга Артемова и Алексей Панов блестяще открывают сезон победой на чемпионате Европы. Впереди чемпионат мира – и у пары есть все шансы завоевать мировое золото.

Но в самый разгар подготовки Алексей Панов становится жертвой целого ряда «несчастливых случаев». Жизни фигуриста угрожает реальная опасность.

По поручению Инги Артемовой за расследование берутся сыщики агентства «Глория».

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	14
Глава третья	32
Глава четвертая	54
Глава пятая	72
Глава шестая	85
Глава седьмая	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Фридрих Незнанский

Ледяные страсти

*Тех, кто не способен за себя постоять, в
большом спорте съедают.*

И. Роднина

Глава первая

Клиенты

Новый год – праздник просто замечательный. Но не для частного сыщика. И уж тем более главы частного детективного агентства.

Русский человек, хоть и не склонный как будто к легковерию, в Новый год забывает о пессимизме, скептицизме и прагматизме и ждет чуда. Дескать, в Новый год сбывается что ни пожелается.

Потенциальные клиенты лелеют надежды, что потерянное вдруг само собой отыщется, нечистые на руку друзья, соседи и деловые партнеры внезапно образумятся и покаются, неверные мужья и жены чудом перестанут обманывать друг друга и вернуться в лоно семьи, справедливость восторжествует просто потому, что обязана восторжествовать, менты станут честными, рэкетеры добрыми, киллеры – миролюбивыми.

выми, на земле установится некое подобие рая – и все будут жить долго и счастливо.

Естественно, светлые мечты тают вместе с январским снегом, превращаясь, как и положено, в жидкую и противную, но зато реальную грязь. Однако происходит это, как правило, не раньше, чем отпустит похмелье после встречи старого Нового года. А до того, с самого преддверия католического Рождества, у частных сыщиков мертвый сезон.

А им, частным сыщикам, тоже, между прочим, охота достойно встретить праздники, одарить подарками родных и знакомых. Премию хочется, прибавку к зарплате... И с каких, спрашивается, шишей-барышей?! Клиентов нет – гонораров нет. Счет в банке 143 рубля 75 копеек. И на дворе только 12 января, то есть работы нет и пока не предвидится.

Но Денис Грязнов – глава ЧОП «Глория» – каждый день к девяти утра ехал в офис на улицу Неглинную, в Сандуновский проезд. То ли по привычке, то ли потому, что, как и остальные, хоть чуть-чуть верил в новогодние чудеса и надеялся, что кому-нибудь услуги частных детективов все-таки потребуются.

В кабинетах и коридорах было темно и пусто. Коллег-подчиненных пришлось распустить на рождественские каникулы, только компьютерный гений Макс торчал в своем подвале. Он и Новый год там встретил. Заказал трехкилограммовую пиццу, жевал ее в одиночестве и резался всю новогоднюю ночь по Интернету в «Диабло-2».

Сварив себе кофе, Денис включил компьютер с намерением привести наконец в порядок жесткий диск: давно пора – сто «гектар», а места свободного нет. Но на экране вместо привычного «рабочего стола» нарисовалось голубенькое окошко с надписью: «Тебе звонила Инга Артемова. Придет в 14.00».

Кто такая Инга Артемова? Неужели клиентка? Инга Артемова... Где-то это имя Денис уже слышал...

По гулкой пустой лестнице он спустился к Максусу:

– Кто такая Инга Артемова?

– Привет, шеф, тебя тоже с праздником, – обиженно буркнул в ответ компьютерный гений, не поднимая головы от потрохов развороченного системного блока – опять что-то «апгрейдил».

– Извини, – хмыкнул Денис. – С наступающим и с прошедшими. Так кто такая Артемова Инга?

– Не знаю. Я думал, ты знаешь. Она так сказала: «Я Инга Артемова». – Макс сложил губы бантиком и перешел на фальцет: – «Инга Артемова. Я подъеду к двум...» Я решил, твоя знакомая. Во всяком случае, нашими расценками она не интересовалась.

Полдня Денис сражался с гигабайтами мусора, безжалостно уничтожая целые библиотеки игрушек, картинок, почты трехлетней давности, и так увлекся, что приход посетительницы застал его врасплох. Она возникла на пороге кабинета как видение, как глюк утомленного компьютером сознания.

Златокудрая нимфа, богиня солнца, сотканная из света и радужных брызг...

Он потряс головой, и наваждение исчезло. Девушка у двери была очень симпатичной, и фигурка у нее что надо, но ничего волшебного. Золотое сияние не более чем яркий свет, упавший из окна на лохматую лисью шубку и длинные светлые волосы.

Она улыбнулась. Денис, выбравшись из-за стола, помог ей раздеться, усадил, предложил кофе. Она отказалась и без предисловий перешла к делу:

– Я хочу организовать охрану для своего партнера. Это возможно?

– Конечно.

– Только у меня есть условие: он не должен знать, что его охраняют. Когда один ваш человек засветится, пусть его сменит другой, третий...

– Вы, кажется, не очень высокого мнения о нашем агентстве, – даже обиделся Денис. – Здесь работают все-таки не дилетанты желторотые.

– Я совсем не это имела в виду, – поправилась девушка. – Я хотела сказать, что когда вашему человеку придется проявить себя, защищая Алешу от нападения, пусть он сделает вид, что он просто случайный прохожий, понимаете?

– Теперь понимаю. Только давайте поподробнее: кто ваш партнер, в каком смысле он партнер, кто на него нападет, когда нападет, и почему вы вообще решили, что нападение

случится?

– Мой партнер, разумеется, Алексей Панов. Вы так смотрели, когда я вошла... Я решила, что вы меня узнали.

– А должен был? – Денис лихорадочно порылся в памяти, но лица новой клиентки там не обнаружил. Даже в самых отдаленных уголках. Однако имя он точно раньше слышал. Причем слышал именно в сочетании «Инга Артемова, Алексей Панов». Смешанный дуэт... теннисисты? иллюзионисты? артисты?..

– Не напрягайтесь так, – рассмеялась она. – Вы наверняка круглые сутки работаете, телевизор не смотрите, газет не читаете, в Интернете не бываете – некогда...

– Почему, на новости и спорт выкраиваю минут по десять. В неделю, – пошутил Денис, потому что наконец вспомнил – фигуристы.

Точно, не далее как несколько дней назад краем уха слышал, что они что-то там выиграли в Италии, то ли какой-то чемпионат, то ли этап чемпионата. Денис никогда не был особым поклонником фигурного катания. Красиво, да. Но разве можно сравнить с хоккеем, футболом, боксом? Там просыпается азарт, плещется адреналин, там непредсказуемость, сила, энергетика. А фигурное катание – зрелище скорее для интеллигентных старушек. Однако излагать клиентке свои взгляды на дело ее жизни он, разумеется, не стал, работа в мертвый сезон – слишком большая роскошь, было бы глупо ее потерять.

– Хорошо, в каком смысле Алексей Панов является вашим партнером, я понял, – сказал он. – Осталось уточнить, что ему угрожает и почему вы решили, что он нуждается в охране.

– Я буду только рада, если ничего не произойдет, – вздохнула Инга. – Но надо, наверное, рассказать все по порядку. Мы с Алексеем тренируемся и выступаем вместе с пяти лет. Вначале по-детски дружили, потом выросли – и дружба выросла до чего-то большего. Мы собираемся пожениться. Хотя у Алексея есть своя квартира, он практически постоянно жил у меня. Я уверена, что он меня любит, но примерно месяц назад что-то в нем изменилось. Однажды, не помню уже почему, мы с тренировки поехали домой не вместе. И Алеша явился весь оборванный, грязный, в ссадинах, с разбитой губой. Сказал мне, что хотел съехать с раскатанной мальчишками горки и упал, а под горкой была куча сколотого льда – и он в эту кучу въехал чуть ли не лицом. Мы еще посмеялись, что без коньков он на льду как корова, и я об этом благополучно забыла. Но несколько дней спустя Алексей заявил, что к предстоящему чемпионату мира нужно подготовиться очень серьезно и нам придется сосредоточиться только на тренировках, ни на что не отвлекаясь. И тренеры его поддерживали: нужно больше спать, лучше отдыхать и так далее. В общем, Алеша переехал в свою квартиру в Теплом Стане, и мы стали видеться только на тренировках. И все-таки я думаю... Я просто уверена, что дело совсем не в предстоящем

чемпионате. Я уверена, что Алеша... что у Алексея...

Она замолчала, подыскивая слова.

– Вы думаете, что у Алексея какие-то неприятности, в которые он не хочет вас впутывать, – закончил за нее мысль Денис. – И то падение с горки он выдумал, а на самом деле его избили?

– Вот именно. – Она согласно кивнула.

– А вы не пытались с ним поговорить?

– Пыталась сто раз. Он не хочет ничего рассказывать. Я же вижу, его что-то беспокоит. Что-то серьезное. Он не может сосредоточиться на тренировках, все время думает о чем-то постороннем, вздрагивает от резких, неожиданных звуков. Однажды я видела, как он, стоя на коленях, шарил под днищем своей машины, как будто искал там бомбу. Две недели назад он пришел на каток с огромным синяком на ребрах, буквально три дня тому явился с фингалом под глазом. Уже и тренеры начали беспокоиться: если так дальше пойдет, мы просто провалим чемпионат. А кроме того, я очень люблю Алешу, понимаете?

– И никаких предположений на этот счет у вас нет? – спросил Денис.

Инга отрицательно покачала головой:

– Никаких.

Денис улыбнулся:

– И вы ни разу не попытались незаметно поехать с тренировки за ним, проследить, с кем он встречается?

Инга совершенно не походила на тургеневскую барышню, способную только вздыхать у окна и обливать слезами подушки. Она неглупа, точно знает, чего хочет, мысли излагает, может, немного эмоционально, но вполне четко и связно, наверняка она девушка с характером – без характера и железной воли чемпионами не становятся. Значит, она обратилась к профессионалам, только когда убедилась, что собственными силами ей проблему не решить.

Девушка вздохнула и покаялась:

– Пыталась. Только ничего не увидела, а Алексей меня вычислил и устроил скандал. Поэтому я и настаиваю, чтобы ваши люди вели себя очень осторожно. Если он узнает, что его охраняют, то не будет долго думать, кто все это затеял.

– Хорошо, расскажите мне, какой он, ваш партнер?

– Добрый, мужественный, очень талантливый. И очень скрытный. Раньше я думала, что хоть от меня у него секретов нет, а теперь оказалось, что есть... Я еще вот что хотела сказать, Денис, на самом деле меня, наверное, гораздо меньше интересует, кто и почему преследует и регулярно избивает Алешу, важно только, чтобы в ближайшие три недели никто к нему не приближался. Потом мы уедем в Канаду и перед самым чемпионатом будем тренироваться там, потом у нас выступление в Австрии... В общем, может быть, за это время все само собой утрясется.

Только предположил в ней логику и рационализм, хмыкнул про себя Денис, и нате вам!.. Демонстрируем типич-

но бабский подход: вычислять злодеев не надо, а защищать – обязательно. Но опять он свое мнение оставил при себе, только поинтересовался:

– Скажите, Инга, в появлении синяков, ссадин и прочего вы не заметили какой-либо системы?

– Хотите сказать, Алешу бьют по понедельникам или по пятницам? – улыбнулась девушка.

– Например.

– Нет. Системы я не заметила.

– Видите ли, проверять его машину на предмет взрывчатки, до того как он в нее сядет, несложно. Оттереть громил, которые, скажем, захотят пристать к нему в баре, тоже пара пустяков. Но, выполняя ваши условия, то есть не приближаясь и не вступая в контакт, нам будет затруднительно предотвратить настоящее серьезное покушение.

– Надеюсь, ничего серьезного вам предотвращать и не придется.

– Надеетесь или уверены? – уточнил Денис.

– Ну вы же профессионалы, не я. – Она обиженно повела плечами. – Вы быстро разберетесь и сами мне скажете.

– Договорились. – Денис решил, что на первый раз хватит. Разговор внезапно забуксовал. Очевидно, Инга сказала все, что собиралась, остальное придется тянуть клещами. Если бы еще знать, что тянуть? Короче говоря, за Пановым надо понаблюдать и, если появятся конкретные вопросы, тогда уже разговор продолжить.

Инга продиктовала Денису все необходимые сведения о Панове, снабдила фотографиями, оставила расписание тренировок, выплатила аванс и попросила начать прямо сегодня.

Сегодня так сегодня. Денис проводил клиентку и обзвонил коллег-подчиненных. Рождественские каникулы торжественно объявлялись закрытыми. Щербак и Демидыч отправились пасти Панова. Сева Голованов и Филя Агеев – на подхвате, если Демидыч со Щербаком, как предположила Инга, засветятся. А новичок Никита Онисимов – выяснять, кто такой Панов и с чем его едят.

Никита Онисимов работал в «Глории» всего неделю, – собственно, не работал, а числился, поскольку работы не было. Он заканчивал вечернее отделение юрфака МГУ, а в «Глорию» пришел вроде как на практику, захотелось парню вкусить настоящего сыскарского хлеба. Вот и хорошее задание для новичка подвернулось: это только на первый взгляд кажется, что собрать досье на знаменитость просто, на самом деле под силу это далеко не каждому, и настоящий сыскарь от ненастоящего тем и отличается, что умеет не только справочники листать.

Глава вторая

Первый лед (1989 Г.)

– Леш, чего ты застыл? – Звонкий детский голос звенел от возбуждения. – Побежали! Сейчас тренировка начнется! Шестилетний мальчуган дернулся и обернулся к другу: – Бегу, сейчас уже одеваюсь.

Все чаще и чаще, попадая в раздевалку перед тренировкой, Леша на мгновение замирал. Ему казалось, что стоит закрыть глаза, и вокруг окажется ликующая толпа, руки поклонников, нарядные люди, яркий свет, музыка, флаги – и он, уставший и довольный игрой, под завистливые взгляды ребят заходит в раздевалку. Как-никак, он чемпион! Это его пятнадцатая шайба с начала года! Но как бы Леша ни закрывал глаза, мечты были пока только мечтами. Хотя они поддерживали его в трудную минуту.

Леша вырос на катке. Мама работала в ледовом дворце уборщицей. Отец пил. Пил много. Леша никогда не видел его трезвым. А иногда отец исчезал надолго. Например, четвертый и пятый дни рождения Леша встретил без папы и был безумно счастлив: мама позвала соседских мальчишек, испекла торт, и было весело – никто не боялся, и никто не ругался. Когда отец неожиданно вернулся, мама сказала, что Алексей уже большой и должен знать, что папа был в тюрь-

ме. Но он им не чужой человек, поэтому, хоть он и не очень хороший, им надо жить вместе.

Мама не водила Лешу в детский сад. Она брала его с собой на работу и оставляла в гардеробе, с добрыми вахтершами. Мальчик был спокойный и никогда не причинял никому особых забот, а когда немного подрос и понял, сколько вокруг всего интересного, норовил убежать на каток – он мог часами сидеть на трибуне и смотреть, как ребята гоняют по льду с клюшками. И в один прекрасный день мама взяла его за руку и провела по секциям. Хоккеисты, конькобежцы, фигуристы. Кто-то красиво летел по льду, кто-то, переваливаясь со стороны на сторону, медленно ковылял, кто-то кружился под музыку. Но веселее всего, интереснее всего было на поле, где играли хоккеисты. И Леша выбрал хоккей.

– Я сюда хочу! – остановил он маму.

– На хоккей? Я так и думала... – усталая мать счастливо улыбнулась.

Зинаиде было двадцать шесть лет, а выглядела она на все сорок. Слишком рано вышла замуж за, как тогда казалось, любимого и любящего человека. Но в муже она разочаровалась быстро и только ради сына терпела побои и унижения. Мальчику нужен отец. Хоть какой, но нужен. Да и не таким уж плохим был Павел Панов, когда не пил, не воровал и имел работу. Тогда и деньги появлялись в доме, и надежда вспыхивала у Зинаиды: а вдруг все наконец наладится. Тогда, может быть, закончит она какой-нибудь техникум – нестарая

же еще, устроится на должность получше, чем полы драить.

Но теперь, когда у Алеши появилась мечта, свои мечты Зинаида оставила на потом и устроилась уборщицей еще на полставки. В октябре 1986 года Леша вышел на лед.

Долгое время Павел Иванович вообще не знал, чем целыми днями занимается сын, пока какой-то доброжелатель не проговорился. В доме был жуткий скандал, отец впервые на глазах Леши поднял на мать руку, и, если бы не соседи, которые прибежали на шум, Леше бы тоже досталось.

– В доме денег нет, а она вздумала мальчонку на коньки отдать. Да ты вообще думаешь, что делаешь? Это сколько же денег надо!

– Ну и что! Деньги я заработаю, главное, чтобы ему нравилось! Может, он еще великим хоккеистом станет! – И мать сжалась, напуганная собственной дерзостью. Вот уж чего-чего, а с мужем она старалась не спорить. Но когда речь шла об Алешеньке, готова была на многое.

– Да каким хоккеистом? – ревел отец. – Он себе всю жизнь испортит! Не мужское это дело – по льду кататься! Пусть лучше на автослесаря идет! Деньги зарабатывать будет!

– Ты соображаешь, о чем говоришь? – причитала Зинаида. – Ребенку шестой год пошел, а он о деньгах. Ты бы, лоб здоровый, зарабатывать начал, и то легче жить стало бы!

Отец размахнулся и ударил мать по лицу так, что она упала. Леша вжался в стенку и разревелся. Еще никогда ему не было так страшно. Мать же тихонько завывала, и, когда в дверь

начали барабанить, Леша рванул из кухни, спрятался с головой под одеяло и украдкой плакал до самого утра.

Это было вчера. А сегодня в раздевалке Лешка уже опять размечтался. Все равно он станет великим хоккеистом!

Мальчик подхватил шлем, тяжелую клюшку и выкатился на поле. Ничего, вот вырастет, он им всем покажет!

На поле уже собралась вся команда. Ребята были одеты кто во что горазд, и различить, кто противник, а кто свой, можно было только по шлемам. Да и то благодаря случаю – шлемы в магазине продавались только двух цветов: красные и оранжевые, когда тренер перед тренировкой делил ребят на команды, мальчишки менялись шлемами, но неохотно, и часто во время игры возникали смешные недоразумения.

Свисток – игра началась. Все рассредоточились по льду и напряженно следили за шайбой. Кто-то вел, потом кто-то перехватил... На шестой минуте второго тайма Леша завладел шайбой и только повел ее к воротам, как по свистку тренера игру остановили и его удалили с поля. Мол, толкнул кого-то неправильно. Если бы не ребята, он бы точно разревелся от обиды. Но вокруг были друзья, и мальчик только поджал губы. А обида все равно осталась. И почему вечно ему достается? За что его все так не любят? Он вроде бы скрывает, что его мама уборщицей здесь работает... Да только видят же, что после тренировки он не едет, как все, домой с родителями или бабушками, а идет к вахтерше тете Евдокии и ждет там, пока мать закончит мыть полы. И про то, что отец ли-

бо сидит, либо дебоширит бесконечно, тоже, наверное, все знают. Леша тяжело вздохнул и поглядел на поле.

– Ну что, герой, опять про правила забыл? – рядом сидел смутно знакомый мужчина в спортивном костюме и улыбался.

– Да не забыл я ничего! Просто он сам неправильно катился! Прямо на меня! Я же не мог ему просто так шайбу отдать!

Мужчина в ответ обезоруживающе улыбнулся, и Леша вспомнил, где он его видел. Это был Лев Николаевич, тренер по фигурному катанию. Мама когда-то водила Лешу и на его тренировки, в надежде, что мальчику понравится, да только не мужское это дело – танцевать на льду. И Леша гордо выбрал хоккей.

– А катаешься ты совсем неплохо! Молодец!

– Спасибо... – буркнул мальчик, смутившись.

– А не хочешь ко мне пойти? Погоди-погоди! Не возражай! Я помню, как мама тебя к нам приводила год назад, но, может быть, ты с тех пор передумал?

– Ничего я не передумал! Хоккей – это здорово! Не детсадовские хороводы какие-то...

– Так-то оно так, но разве ты не хочешь стать чемпионом?

– А я и буду чемпионом!

– В этом я даже не сомневаюсь. – Лев Николаевич очень серьезно кивнул. – Только хоккей – все-таки командная игра. И известность там чаще всего командная. А фигурное ка-

тание – это отнюдь не то же самое, что балльные танцы. Есть же и спортивные танцы, это красивый, зрелищный спорт! И сила нужна, и ловкость. Это совсем не каждому дается. Давай договоримся: приходи ко мне на тренировку, не понравится – держать не буду. Ну а понравится – так и оставайся. Пойдет?

– Ладно. – Алеша смутился еще больше и отвернулся. Игра шла довольно вяло: многие из ребят еще на коньках стояли не вполне уверенно, а потому к концу игры в воротах оказалась только одна шайба.

«Было бы две, если бы меня не удалили», – подумал Леша и поплелся переодеваться. На трибуне, у входа в раздевалку, сидела мама.

– Ну что, сынуля, отыграл?

– Да удалили меня. – Мальчик вздохнул и сел рядом с ней.

– Не расстраивайся! Ты же долго играл перед этим!

– Ага.

– А я тебе смотри что принесла! – И мама покрутила в руке сверток.

– Что там? – Леша потянулся к свертку. Он был большой, в красивой обертке.

– Не дам пока! Ты скажи, чего тебе Лев Николаевич говорил?

– А! Да сказал, чтобы я к нему на тренировку ходил. Говорит, это интересно. А еще сказал, что я катаюсь хорошо.

– Ну и как, пойдешь?

– Не знаю.

– Сынуля, он хороший тренер. Ты бы попробовал! А если тебе сейчас подарок дам, ты пойдешь к нему на тренировку? – И мама протянула сверток.

– Пойду. – Леша выпалил то, что просили, и бросился разворачивать подарок. Бумага, бумага, сколько же там бумаги было! Но вот что-то блеснуло в глубине, Алеша наконец развернул и замер.

Перед ним были коньки. Новенькие. До сих пор Леша катался в старых, купленных на толчке. На левом лезвии была большая зазубрина, ботинки все поцарапанные. Да и жать они уже стали, хоть и покупали их в прошлом году «на вырост и два теплых носка». Но новенькие коньки – это слишком дорого...

Мальчик поднял серьезные глаза на маму:

– Мам, но...

– Это я сэкономила, ты не переживай. Ты, главное, сходи все-таки на фигурное катание! Да и вообще, в новеньких коньках тебе удобнее будет!

И Леша согласился. Тренировка была через два дня.

Непривычная тишина там, где обычно стучали клюшки, поразила Лешу, стоило ему выйти на лед. Да здесь девчонок было больше, чем ребят!

– Пойдем, я познакомлю тебя с партнершей на сегодня. – Лев Николаевич подъехал к девочке с золотыми волосами и повернулся к Леше: – Это Инга. Она у нас занимается всего

полгода, но уже делает большие успехи. А это Леша, замечательный парень. Если понравится, то он останется у нас. Итак, музыку!

И все вокруг закружились. Леша подъехал поближе к Инге и опасливо положил ей руку на талию. Лев Николаевич все объяснил и отъехал, а Инга уверенно повела его.

– Тебе сколько лет?

– Шесть! А тебе сколько?

– А мне пять. Хорошо, наверное, быть большим, да? Ну ничего, я вырасту, и про меня все-все будут знать!

Леша невольно улыбнулся, услышав свои мысли от этой малявки. С ней он чувствовал себя гораздо старше.

– А кто твои родители? – спросила Инга.

– Мои? – Леша моментально стушевался, и улыбка сползла с лица. – Мои родители... Да просто родители... А твои?

– А мой папа вон там сидит, во втором ряду, видишь? Он полковник! А мама у меня в университете работает.

– Задавала!

– Я не задавала! – не обиделась малявка. – Просто я знакомлюсь!

Но, несмотря на постоянную болтовню, Инга оказалась очень даже хорошей партнершей. Алеша увлекся и даже не заметил, как тренировка подошла к концу. Фигурное катание и впрямь ему понравилось – здесь нужна была и сила, и гибкость, и скорость. И совсем это не было похоже на детсадовские хороводы. И вокруг было много таких же пар, а

мальчишки не стеснялись своего занятия, а, наоборот, гордились не меньше, чем хоккеисты. Да и тренер относился к нему хорошо, и Леша решил остаться. В конце концов, к хоккею он сможет потом вернуться, если ему вдруг надоест или разонравится.

Поэтому через два дня Леша опять пришел на тренировку и, стесняясь, подошел к Инге:

– Наверное, мы теперь будем кататься вместе?

– Ага! – улыбнулась малявка. – Наверное.

Леша взглянул на девочку и улыбнулся. И почему он стесняется эту малышку? – с раздражением подумал он. Родители у нее, наверное, богатые, каждый день пирожные едят, в кино ходят, летом – на Черное море ездят, а может, у них даже машина и собака есть... Но с другой стороны, Инга же ничего больше о его родителях не спрашивает! А катается хорошо.

Каталась она и впрямь хорошо, а потому очень быстро ребята начали понимать друг друга и кататься становилось все интересней и интересней. Леше было совсем нетрудно выучить новые движения, потому что на коньках он стоял уже давно, да и Лев Николаевич, и Инга каждый раз терпеливо и подолгу готовы были объяснять то, что не получалось у Лешки.

И почти на каждую тренировку приходила мама. Она садилась тихонечко в уголке и наблюдала. К Инге тоже очень часто приходили родители. Чаще даже папа, чем мама. Он

садился на трибунах и громко болел за дочку.

Где-то через месяц Инга познакомила Лешу с папой.

– Борис Борисович, – протянул руку полковник-артиллерист.

– Алексей Павлович, – с не меньшей серьезностью ответил Алешка, – будущий чемпион.

– Так-таки и чемпион? – засмеялся артиллерист и подмигнул мальчику. – Ну тогда вы просто замечательная пара – Инга вот тоже чемпионством бредит. Думаю, у вас все получится! – И он ушел на трибуну.

Алеше понравился веселый военный, а особенно то, что он ничего не спросил про родителей. Хотя наверняка видел маму, она почти после каждой тренировки подходила к Алеше.

Шли месяцы, и Леша все больше втягивался. Потихоньку он начал ловить себя на том, что опять мечтает. Мечтает о том, как они с Ингой, взрослые и красивые, выходят на лед, а вокруг люди вскакивают со своих мест и аплодируют им. Они не спеша наклоняют голову в одну сторону, в другую, а потом так же не спеша выкатываются на середину площадки. Все вокруг замирают, звучит первый аккорд, и они взлетают, как во сне. Он обнимает красивую, уже взрослую Ингу, она смотрит прямо ему в глаза, а вокруг все кричат и радуются. И Леша чувствовал, что они обязательно станут знаменитыми.

Однажды Лев Николаевич собрал всех перед тренировкой и сказал:

– Ребята, у меня для вас хорошая новость! В декабре состоится областное детско-юношеское первенство по фигурному катанию. Лучшие из вас отправятся защищать честь нашей секции. А пока давайте продолжим тренировки, и месяца через два я объявлю, кто будет участвовать в соревнованиях.

– Ну что, как ты думаешь, нас выберут, мы попадем на соревнования? – тихонечко спросила Инга, стоило им отойти от остальных ребят.

– Не знаю даже. А ты как думаешь?

– А я думаю, что мы здесь лучше всех катаемся. Поэтому, если постараемся, то обязательно пойдем на соревнования, а может быть, даже победим.

Леша только улыбнулся в ответ. Он, конечно, тоже надеялся на победу. Только все равно боялся загадывать. А вдруг у него все получается только в мечтах? Или получится, что он не сможет выступить так, как надо. Нет, обязательно нужно выступить хорошо. Даже подумать страшно, что мама или Лев Николаевич разочаруются в нем. Тем более что возвращаться в хоккей ему уже не хотелось. Здесь было интереснее, не было никого из его знакомых по двору, никто не показывал на него пальцем. И никто, наверное, не знал, что отец опять попал в тюрьму. Только бы никто и не узнал. Особенно отец Инги. А вдруг он запретит Инге дружить и тренироваться с Алешей, если узнает, кто его родители? До сих пор ему удавалось избегать подобных вопросов, и, может быть,

он сможет все скрывать еще некоторое время? А потом, когда они выиграют соревнования, Борис Борисович поймет, что Инга и Леша должны тренироваться только вместе.

Хотя бы ради этого и ради мамы он должен победить. Он должен стать лучшим, чтобы она не разочаровалась в нем, как в отце!

Два месяца пролетели незаметно, и Лев Николаевич объявил три пары, которые отправятся на соревнования. Среди них были и Леша с Ингой.

– Здорово! А ты сомневался!

– Да не сомневался я совсем! Я знал и знаю, что мы с тобой выиграем!

– Ага, – Инга смешно наморщила носик, – представляю, как обрадуются папа и мама! Папа будет прыгать до потолка и возьмет меня на полигон смотреть, как бабахают большие пушки!

– Да, моя мама тоже обрадуется... – Алеша оглядел трибуны, но как раз сегодня их родители не пришли на тренировку. Никто не знал, что выбирать пары на соревнования будут сегодня.

– А почему твоя мама сегодня не пришла? Она сегодня не работает?

– Нет, – проговорил Леша задумчиво и тут же резко повернулся к Инге: – А ты откуда знаешь, что она сегодня не работает?

– Ну как же! Она, когда работает, всегда к тебе приходит. – И девочка склонила голову набок.

– Да, приходит. Так ты знаешь, где она работает?

– Знаю, конечно! Мне все папа рассказал! Но ты не бойся, я смеяться не буду. Ты же не виноват, что у тебя такие родители! К тому же папа говорит, что твоей маме просто не повезло с папой, а тебя она очень любит.

Леша сжался и отвернулся.

– Да ты не бойся, глупенький, мне не запрещают с тобой дружить!

Да уж, не запрещают... Это пока. А вдруг они передумают? Леша быстро распрощался с Ингой и побежал в раздевалку. Надо же, он не успел заметить, когда же это их родители познакомились! И раз Борис Борисович что-то про его папу говорил, значит, это мама ему об этом рассказала. И как теперь смотреть в глаза Инге? Она ведь всем расскажет! Леша оделся и выбежал на улицу. В лицо летели хлопья снега, и щеки очень быстро стали мокрыми. И Леша заплакал, не боясь, что кто-то заметит. Заплакал от несправедливости. Почему именно у него такие родители?! Нет, мама очень хорошая, и маму он любит. Но зачем она все рассказала?

Мамы дома не оказалось. Один раз в неделю вечером она мыла полы в каком-то институте. Сегодня как раз был такой вечер. На столе стояла сковорода с остывшей котлетой и макаронами. Теперь маму он увидит только завтра. С вечерних дежурств она возвращалась очень поздно.

Леша просидел весь вечер у телевизора и твердо решил сегодня дожидаться маму, но ничего не получилось. Когда она пришла, мальчик уже сладко спал, посапывая, прямо в кресле.

А наутро все как-то забылось, и только одна новость оставалась главной: они будут выступать на областных соревнованиях. Леша, едва проснувшись, понесся на кухню:

– Мам! Мы с Ингой идем на соревнования!

– Да? Так вы победили?

– Нет, мы еще не победили, но обязательно победим!

– А Лев Николаевич еще кого-нибудь выбрал? Или только вы пойдете?

– Да нет, мам! Там еще две пары будет! Только они катаются не так хорошо, – и Леша смутился, – мне кажется.

– Ну и замечательно! Тогда собирайся. Я так понимаю, у тебя теперь тренировок будет еще больше, чем раньше?

– Ага. Но это же круто, – и Леша побежал одеваться, а мама поглядела ему вслед и улыбнулась: все у него получится! Она сделает все, что только от нее зависит, чтобы Леша жил другой жизнью. Красивой и беззаботной.

Тренировки стали и впрямь напряженнее. У Алеши и Инги была теперь, как у взрослых, своя короткая и произвольная программа. Сотни, а может, и тысячи раз под музыку и без музыки они прокатывали одни и те же элементы, пока не научились делать все «с закрытыми глазами». Но Лев Николаевич хмурился и гонял их снова и снова до седьмого пота.

Наконец настал день, которого все так ждали.

Леша не спал почти всю ночь, с утра вскочил пораньше и побежал к маме:

– Мам, я не проспал? Нам не пора еще?

– Нет, сыночек. Не нервничай. Садись позавтракай, а потом пойдем.

Леша сел за стол и принялся судорожно запихивать в себя завтрак.

– Переживаешь?

Мальчик замер на мгновение, вздохнул, а потом поднял глаза:

– Очень. Я очень хочу выиграть.

– Вы победите, не волнуйся только! Вы самые лучшие! И так занимались много в последнее время!

Соревнования проходили прямо в родном ледовом дворце. Трибуны были заполнены до отказа, очень много было мальчишек, девчонок и, конечно, родителей. Когда выкатились на разминку, Алеша дрожал от страха, почти тридцать пар будут соревноваться с ними, разве можно поверить, что они с Ингой лучшие из всех? Алеша знал, где будет сидеть мама, но все равно долго искал ее глазами среди незнакомых лиц. Рядом с ней широко улыбался папа Инги.

Борис Борисович помахал ребятам рукой и повернулся к Зинаиде Федоровне:

– Инга полночи не спала. Я слышал, как она ворочалась.

Уже неделю только о соревнованиях и говорит.

– Алеша тоже. Прямо-таки бредит победой. Я даже боюсь подумать, что будет, если они не победят.

– Да победят! Даже не сомневайтесь! Я просто уверен! Жаль только, жена не смогла прийти. У нее сегодня какое-то ответственное мероприятие в институте, и она никак не смогла вырваться.

– Ну главное, что вы здесь. Все-таки ребятам важно, чтобы кто-нибудь за них болел.

Но тут заиграла музыка, объявили первую пару, и на трибунах все замерли. Алеша с Ингой выступали пятыми.

Первая пара откаталась неплохо. Правда, партнерша ошиблась в самом начале, не вовремя закрутилась, и эта ошибка явно сказалась на оценках судей.

Одна за другой пары выходили на лед, и каждая следующая, казалось, выступает лучше предыдущей. Леша с Ингой не находили себе места от волнения. Но расстраиваться было некогда – оставалось несколько минут. Последние тревожные минуты и...

– На льду воспитанники спортивного клуба «Радуга» Инга Артемова и Алексей Панов!

И вокруг, заглушая заигравшую музыку, зашумели аплодисменты.

Леша с Ингой осторожно шагнули на лед. Аккорд, еще аккорд. Пора!

И Леша вдруг успокоился. Руки и ноги двигались сами

собой, не нужно было ни о чем думать. Они двигались так слаженно и синхронно, как будто не два человека, а один летал надо льдом, взмывал в прыжках и пробегал длинные сложные дорожки. Леша успевал только замечать, как взмывалась короткая юбочка Инги и как вокруг летели трибуны. Все как в его мечтах! Где-то там сидели их родители. Где-то далеко вокруг были другие люди, другая жизнь. А здесь, на льду, были только Леша с Ингой. И в голове шумело все громче и громче. Леше казалось, что он сходит с ума от счастья.

Ребята ни разу не ошиблись и остановились, эффектно подъехав к судейской трибуне. И лишь остановившись, сообразили, что это за звук сотрясает ледовый дворец – люди на трибунах повскакивали со своих мест и хлопали. Хлопали и что-то кричали. Прямо в глаза бил яркий свет, а где-то высоко сидели мама и Борис Борисович, они, Леша был уверен, тоже что-то кричали.

Это была победа. Самая первая победа. И Леша был убежден, что не последняя. Будут еще. Обязательно. Они еще выиграют чемпионат мира и Олимпиаду. Обязательно выиграют.

Потом была торжественная церемония награждения. Большой и шумный, чем-то похожий на Бориса Борисовича человек вручал им дипломы. Человека звали Семен Иванович Фадеичев. Он поцеловал Ингу в щеку, а Алеше взрослому пожал руку и сказал, что надеется увидеть заме-

чательную пару на всесоюзных соревнованиях в Москве.

А мама почему-то плакала. И Борис Борисович нежно и неуклюже ее утешал.

Глава третья

За белым «опелем»

На светофоре зажегся зеленый. Демидыч плавно тронул автомобиль с места, удерживая тридцатиметровую дистанцию до белого «опеля». Справа вылезла грязная, уродливая «Газель», поморгала поворотником, попыталась вклиниться в небольшой промежуток перед машиной сыщиков. В зеркало заднего вида на Демидыча взглянуло усталое лицо типичного работяги, замотанного постоянными придирами ДПС и начальства. Такому все равно, кто там недоволен его действиями – хмурые мужики на джипе или расфуфыренная дамочка на «девятке». «Газель» у него не своя, фирменная, застрахованная, правила он формально не нарушил, а все кодексы поведения на дорогах – неписанные. Демидыч притормозил, пропуская работягу. Из кузова торчали доски и куски рубероида.

– Демидыч, ты что, блин, заснул? – Николай Щербак с удивлением посмотрел на напарника. – Ты вообще смотришь за клиентом? Клиент от тебя уезжает, а ты какого-то урода пропустил.

– Я его вижу. – Демидыч был немногословен, как всегда. «Газель» загородила Николаю обзор, но с места водителя левый ряд просматривался достаточно хорошо.

Раздраженный Николай протянул руку и включил радиоприемник. Раздался грохот ударных, динамики в машине были чудо как хороши – джип аж содрогнулся. Николай аккуратно уложил голову на спинку сиденья и изобразил на лице выражение высшего удовлетворения. Демидыч, напротив, недовольно поморщился – он не любил тяжелый рок. Но кассетная дека была коварно выведена из строя при помощи отвертки – не каждому достанет терпения слушать одну и ту же кассету Михаила Круга или «Любэ» на протяжении целого дня – до утреннего обновления коллекции. А расслабляться иногда полезно, особенно когда клиент смирный. Вот как этот Алексей Панов – и сам тихоня, и в автомобиле не доставляет беспокойства окружающим. Правило «дай дорогу дураку» освоил превосходно, и сыщикам только на руку то, что, судя по всему, дураки на дорогах явно преобладают. Панов пропускал всех кого мог. Тихоня – что с таким делать. Одно непонятно – кому он не угодил.

У Николая это было самое медленное и безмятежное дело за всю его детективную жизнь. Чтобы полдня кататься на шестидесяти километрах в час по Москве по самым загруженным трассам, выстаивать часы в пробках, никуда ни за кем не гнаться и не хвататься за пистолет каждые две минуты – такого не бывает, в самом деле. Эту тягомотину даже затишьем перед бурей не хочется назвать. Это самая что ни на есть хорошая летняя погода, легкий ветерок, волны шумят, загорелые девушки грациозно выходят на берег... Синопти-

ки обещают еще месяц подобной погоды, циклонов не предвидится... Постепенно философские размышления о связи работы детектива и климатических условий Черноморского побережья были вытеснены навязчивым образом загорелых девушек, грациозно выходящих на берег. Они все выходили и выходили, и каждая последующая была более загорелая, чем предыдущая, и, несомненно, более грациозная. И вот именно в тот момент, когда уже появилась из волн и пены, как греческая богиня, самая загорелая и грациозная, и сердце Николая сжалось от восхищения, – в тот момент Демидыч наконец протянул руку и выключил музыку.

– Слушаешь всякую ерунду, по сторонам не глядишь, – без выражения произнес он себе под нос.

– Рады стараться, товарищ командир! Здравия желаем, товарищ командир! – Николай моментально среагировал на упрек и послушно уставился в окно, отрешившись от мыслей о знойных красавицах. – Кстати, товарищ командир, какие у нас планы на обед?

– Проводим на каток, потом съездим поесть.

– Да, блин. – Щербак даже немного пригорюнился. – Целый час еще ехать с его темпами. О! Гениальная мысль! Давай ты устроишься к нему шофером! Будешь с ним рядом, никаких покушений небось и не будет. А я сзади, в джипе. Сколько времени теряем сейчас...

– Мы ничего не теряем. Мы работаем.

Конечно, Николаю и так было ясно, что в любом случае

пасти Панова они будут ровно столько, сколько нужно. И что предполагаемое покушение чем раньше случится, тем лучше, потому что хоть и поручено детективному агентству «Глория» в первую очередь оберегать клиента, главное – выяснить, кому и что от него нужно. А для этого покушение – прекрасная возможность хотя бы на исполнителя выйти. Речь не о том, ясное дело, чтобы подставить Панова под удар, – просто надо рядом с ним держаться, учуять вовремя надвигающиеся события. Опыт есть. А как только проявится злобный агрессор, тут-то сыщики отодвинут несчастного фигуриста в сторону и без помех займутся вредителем.

Но все же – не мог не думать Николай – какого лешего Панов поехал через Садовое кольцо? Тут даже пешком быстрее было бы...

...Не прошло и получаса, как утомительное движение по перегруженным улицам все же прекратилось. С шумного Ленинградского проспекта белый «опель» свернул на Театральную аллею, а затем на Петровско-Разумовскую, откуда можно было попасть на территорию спорткомплекса «Динамо». Черный джип «ниссан-патрол» проехал мимо поворота и припарковался на обочине. Щербак и Демидыч выскочили из машины и направились к катку, не теряя из виду автомобиль Панова. Через минуту они разделились – Щербак, одетый в спортивный костюм, легкой трусцой побежал вслед за клиентом, а Демидыч со спортивной сумкой в руках быстро пошел прямо ко входу на каток, находившемуся со сторо-

ны Нижней Башиловки. Он как раз обошел стадион и увидел издали, как с другой стороны вышел высокий Алексей Панов и свернул ко входу по тропинке между какими-то наглухо заколоченными ларьками, смахивающими на летний рынок. За Пановым по дороге протрусил какой-то спортсмен, очертания его фигуры и одежда были знакомы Демидычу до боли. Панов поднялся на крылечко и вошел внутрь, через несколько секунд дверь открыл детектив. Фигурист не спеша шел по коридору к раздевалкам. Демидыч проследовал за ним до конца коридора, повернул направо, спустился по наклонному пандусу и увидел только, как за Пановым закрылась дверь раздевалки. Демидыч продолжил играть свою роль – постучался в первую дверь налево, где находилась комнатка дяди Миши, известного в узких кругах точильщика коньков, причем большого мастера своего дела.

Дядя Миша, средних лет и небольшого роста, с немного потрепанной физиономией, вышел из своей каморки и сразу понял, зачем пожаловал посетитель. Выхватив из рук Демидыча сумку, он проворно открыл ее и извлек оттуда коньки «долгопрудные», на которых Демидыч в последний раз катался еще до Афгана.

– О, серьезная вещь! – Дядя Миша очень любил поговорить, особенно когда попадался хороший слушатель – спокойный и молчаливый. – «Долгопруды»! Уважаю, если ты еще катаешься на этом говне. Лет двадцать-то им есть? Вижу, что есть. Ботинок, правда, не наш, чехословацкий, куда

ни шло. О! А ты вообще их когда-нибудь точил?

Мастер даже присвистнул, взглянув на лезвие, и включил станок.

– Ты отойди, сынок, а то сейчас тут стружка полетит, грязь всякая, стой в дверях. – Станок омерзительно завизжал, полетели искры. – Вот ты глянь, искры яркие, летят кучей, это значит – сталь плохая. Потому что у нас в стране всегда такой принцип был – если делают товар широкого потребления, ширпотреб значит, то берут самую дрянь, отбросы с помоек собирают. Для мастеров спорта, мать их, делали на заказ коньки, с виду обычные «динамо», но качество было отличное. На специальных станках делали. А для остальных – «динамо» как «динамо», говно, но профессиональное. Все наши знаменитые хоккеисты катались сначала на «динамо». Сейчас-то вот посмотри на них: ни у кого советских коньков нет. Да на тебе вообще хоть что-нибудь наше надето? Трусы разве что. И носки. Да и то, если зарплата нормальная, ты и трусы себе купишь импортные. Кутюр!

– Ботинки у меня отечественные. «Зима» называются, – вставил несколько слов Демидыч.

– Вот-вот, да и то небось по лицензии сделаны. Раньше лосей стреляли по лицензии, а теперь ботинки делают. Так, что тут у нас выходит? Да-а, вот сталь-то, зараза. Ее ровно и не заточишь, она чуть ли не крошится. – Дядя Миша поднял какой-то рычаг на точильном станке, раздался скрежет, – видимо, выравнивался точильный круг. – Это я так весь круг

себе сточу на твоих коньках.

Через несколько секунд точильщик пошоркал по коньку наждаком и отложил его в сторону. На второй конек потребовалось еще минут пять – десять. За это время он успел рассказать о том, что сейчас хоккей у нас деградирует; что все привыкли кататься на коньках импортных или пластиковых; что голеностоп ни у кого не развит; что у Демидыча он развит, раз на таких коньках катается, но это тоже плохо; что он, дядя Миша, предпочитает даже пиво импортное нашему, хотя и его любимый «Великопольский козел» где-то в Подмоскowie наверняка разливается. Как раз в тот момент, когда мастер выключил станок, мимо комнатки прошел Панов, в цветных штанах и уже на коньках. Демидыч уложил коньки в сумку, отдал семьдесят рублей дяде Мише. Мастер имел фиксированную зарплату побольше, чем у детектива, поэтому всем желающим коньки точил для собственного удовольствия и брал по-божески.

Демидыч прошел по коридору обратно, увидел в открытую дверь ледовую площадку, Панова рядом с Ингой Артемовой. Эх, хороша клиентка. Детектив даже остановился на секунду, чтобы полюбоваться крохотной фигуристкой, по мнению журналистов желтой прессы – одной из самых красивых спортсменок России. Выйдя на крыльцо, Демидыч воткнул в ухо наушник, нашарил в кармане кнопку голосового набора на телефоне и без интонаций произнес куда-то в пространство:

– Коля, мобила.

– Коля, мобила, – откликнулся телефон его голосом и замолк, набирая номер. Через несколько секунд напарник взял трубку и отозвался:

– Але, Демидыч, что там у тебя?

– Все в порядке, клиент на катке. Ты где?

– Я тут бегаю пока. Где это я? А, блин! Вот эта площадь, откуда аллеи расходятся в разные стороны. Имени какого-то малоизвестного космонавта, насколько я помню. Давай жди меня у машины, я сейчас пробегусь на ускорение. Спорим, раньше тебя буду?

– Жду.

Демидыч выдернул из уха проклятый неудобный наушник и в очередной раз поклялся приспособить большие наушники для плеера в качестве аксессуаров к мобильнику. Когда он подошел к джипу, Щербак топтался рядом, на лице его отражалась радость победителя в споре.

– Вот что, Демидыч, ты спор проиграл, будешь сейчас в кабаке меня угощать! Только мы тогда поедem в какой-нибудь ресторан покруче. В «Атриум», например. Ты там был хотя бы? Я вот не был, надо же когда-нибудь начинать! Что волком смотришь? Да ладно, я же шучу. В «Восточный экспресс» так в «Восточный экспресс», любитель китайской лапши, соевая душа. Двинули!

Демидыч открыл машину, уселся, Николай плюхнулся рядом. Джип плавно тронулся с места, съехал на проезжую

часть и растворился в потоке автомобилей, выходящих на третье кольцо.

Провожали Панова до дома через пять часов. Демидыч сидел в машине на том же самом месте, где парковался днем. Николай занял удобную позицию под фонарем в нескольких десятках метров от выхода с катка, открыл «Спорт-экспресс» и начал с увлечением читать неутешительные новости отечественного футбола. Мерзнуть пришлось около часа. Наконец, ровно в 20.00, дверь открылась, выпустив наружу Алексея Панова и его симпатичную партнершу. Инга Артемова держала под руку мрачного громилу в длинном пальто. Детективы были в курсе: за Ингой после тренировок в последние дни заезжает любимый папочка, генерал, начальник штаба дивизии, в данный момент пребывающий по своим военным делам в Москве и не упускающий малейшей возможности пообщаться с дочерью. Панов и Артемовы трогательно попрощались – мужчины с серьезным видом подержались за руки, Инга чмокнула Алексея в щеку. Панов пошел к своей машине, а ему навстречу от припаркованного за «опелем» «фиата» двинулся мужчина лет сорока пяти в распахнутой дубленке, из-под которой хорошо просматривался стильный светло-серый костюм. Незнакомец был без головного убора, лицо вытянутое, впалые щеки, острый подбородок, лысина ото лба до макушки, а там, где волосы еще водились, они были сострижены почти под ноль, на тонком

носу очки в золотой оправе баксов за четыреста. Николай напрягся, хоть незнакомец и не походил на мордобойца, однако незнакомец и фигурист перемолвились всего парой слов, и незнакомец зашагал ко входу на каток, а Панов сел в машину.

Николай быстрым шагом направился к Демидычу:

– Ты его снял?

Демидыч утвердительно кивнул, помахивая проявляющимся поляроидным снимком:

– Думаешь, стоит проверить?

– На громилу не похож. Но руки они друг другу не жали, то есть, возможно, не знакомы.

– Может, просто человек спросил, как пройти в библиотеку?

– Может, – кивнул Николай. – А еще может быть, что Панов вступил в бойцовский клуб. По ночам дерется в каком-нибудь подвале, вот тебе и синяки, а мы тут просто штаны просиживаем.

– Нам, между прочим, за это платят, – хмыкнул напарник.

«Опель» фигуриста вслед за «маздой» Артемовой выехал на Петровско-Разумовскую аллею, но здесь их дороги разошлись. Панов повернул направо, в сторону центра, лихо обогнал какую-то замызганную «Ниву» и вырулил на третье кольцо.

Детективы привычно пристроились в полусотне метров от клиента и приготовились к утомительному пути в Теплый

Стан. Хорошо хоть, что обратно Панов ехал не через Садовое кольцо, а через менее загруженное третье. Тем не менее к участку возле платформы Тестовская Щербак стал готовиться заранее – глубоко дышать, приводить в порядок сердечную деятельность, поудобнее регулировать сиденье. Стоять в пробках Николай очень не любил. Демидыч же относился к транспортным проблемам более спокойно, тем более что ему было вполне комфортно в автомобиле. Ему после пяти лет Афганистана было везде комфортно. Ночевал он вообще обычно на узком диванчике для посетителей в офисе «Глории», московская квартира осталась у бывшей жены. Когда было достоверно известно, что есть пара свободных дней, Демидыч уезжал в Заветы Ильича, что по Ярославской дороге. Там стоял отличный крепкий домик, приобретенный когда-то по настоянию бывшей супруги. Банька там, конечно, была славная, но в самом доме Николай однажды побывал на Новый год, чуть не окочурился от холода, пока печка не нагрела дом, и с тех пор старался на все праздники вытаскивать Демидыча в Москву, хотя бы в свою холостяцкую двухкомнатную квартирку. Даже специальную раскладушку завел для друга – ну не укладывать же его с собой на двухспальный сексодром!

Дорога до Теплого Стана заняла на удивление мало времени. Часа не прошло, как Панов продрался через сложную развязку на площади Гагарина и, не выезжая из второго ряда, дополз наконец до поворота на улицу Теплый Стан. Около

метро он осторожно перестроился и свернул направо. Дом, в котором он жил, стоял на самой опушке Тропаревского лесопарка, и окно одной из трех комнат выходило на самую зелень. Правда, в январе зелени было довольно мало, даже елки-сосны приобрели серый цвет от городской грязи. Но летом, можно было себе представить, из окна вид открывался чудесный. Демидычу было в целом наплевать на вид из окна – в его деревне виден был в первую очередь покосившийся забор, а в офисе – ноги проходящих граждан, так как «Глория» занимала два помещения в цокольном этаже и одно – в подвальном. Но Николай просто завидовал клиенту – окна его собственной квартиры выходили на такую же убогую девятиэтажку, как и та, в которой жил он сам. Может быть, этажа с восьмого-девятого можно было разглядеть какие-нибудь красоты по сторонам, если высунуться с лоджии, например, но со второго – увы. Щербак мечтал о квартире на двадцать втором этаже где-нибудь в Строгине, с видом на Москву, на Серебряный Бор, Троице-Лыково... И чтобы обязательно три комнаты, большая кухня, отдельный санузел и застекленный балкон. И красивая жена.

Панов аккуратнейшим образом занял свободный клочок тротуара, потратив на это минут десять, еще минуту стоял около машины, – видимо, вспоминал, которая из двух кнопок на брелоке ставит на сигнализацию, а которая снимает. Николай уже начал злобно язвить по поводу неторопливого фигуриста, из-за чьей заторможенности они просадили не

один литр бензина в этих несчастных пробках. Демидыч, похоже, и не слушал едкие замечания напарника, вглядываясь издаലെка в изящную фигуру Алексея, вошедшего в подъезд.

– Вот в подъезде его бы и грохнули, олуха. – Демидыч протер стекло перед собой. Детективам нужно было дожидаться, пока Панов включит свет в квартире, тогда рабочий день можно считать законченным.

– Там вахтерша, по-моему, – возразил Николай. – Завтра проверим. С утра пойду лампочку вкручивать в подъезде, вот и узнаю. А пока что, милый друг, ты меня отвези домой.

– Угу, – буркнул Демидыч.

На шестом этаже засветилось окно – Панов зашел на кухню. Из-за штор не было видно всех его действий. Первую ночь Николай и Демидыч как идиоты проторчали до утра у подъезда, спали по очереди, а Панов как погасил свет в 23.05, так и продрых до утра – и ничего с ним не случилось. Сегодня с разрешения Дениса Грязнова решили ночью отправиться по домам, а утром – снова на пост.

Не имея возможности познакомиться с Алексеем Пановым лично, Денис решил сделать это хотя бы заочно. Как и о всякой знаменитости, о нем писали много. Правда, не о нем в отдельности, а скорее о паре Артемова – Панов.

С многочисленных портретов на Дениса смотрел юный красавец – блондин с есенинскими кудрями и абсолютно счастливыми голубыми глазами. Конечно, большинство

снимков были сделаны в моменты триумфа: вот Инга и Алексей выиграли чемпионат мира среди юниоров, вот взяли свое первое взрослое европейское золото, вот они на чествовании в Кремле рядом со своими тренерами Татьяной Весталовой и Вячеславом Карповым... Фотографии были под стать бесконечным дифирамбам и комплиментам, которыми щедро одаривали пару спортивные журналисты.

Они самая талантливая пара за всю историю фигурного катания!

Они невероятно техничны. Их мощь и амплитуда поражают и завораживают. О фантастических выбросах, когда Инга пролетает полкатка, пущенная, как торпеда, могучей рукой партнера, ходят легенды.

Они обладают фантастической трудоспособностью. И это при том, что одарены сверх всякой меры.

Они на голову выше всех остальных современных пар во всем – начиная с пластичности, вкуса и более чем выигрышной внешности и кончая качеством и скоростью катания, высотой прыжков.

Если бы Бережная и Сихарулидзе вовремя не ушли из любительского фигурного катания, им бы пришлось уступить пьедестал более молодым соотечественникам.

Бойцовский характер Инги Артемовой можно сравнить только с харизмой Ирины Родниной, и еще неизвестно, у кого харизма круче.

Когда Инга и Алексей выходят на лед, создается впечат-

ление, что они катаются только для себя. Они настоящая пара, а не два разнополых спортсмена, выполняющих совместную композицию. Их прокаты блистательны, а внешний облик всегда продуман до мелочей – от стрижки до цвета и фасона костюмов...

Денису довольно быстро надоели слащавые охи и ахи. Особенно когда он ради интереса поднял в Интернете архивные публикации двух-трехлетней давности и обнаружил, что Бережную и Сихарулидзе в момент их взлета расхваливали с неменьшим упоением, так же взхлеб и практически теми же словами.

Покопавшись еще немного, Денис выяснил, что Артемова и Панов вовсе не единственные звезды на современном небосклоне фигурного катания. И конкуренты, оказывается, у пары Артемова – Панов имеются: очень (не супер, а просто очень – тут журналисты почему-то проявили сдержанность) перспективные, тоже москвичи, Светлана Рудина и Георгий Сванидзе и опытные американцы Линда Вайт и Роберт Джувелер. И обе эти пары могут серьезно побороться за золото предстоящего мирового первенства.

На одном сайте, посвященном фигурному катанию, даже имелся раздел «Виртуальный бой между фигуристами». Правда, фигуристы там, конечно, не дрались, даже виртуально, сражения велись между болельщиками, которые, желая помочь своему любимому фигуристу или любимой паре, в специальную анкету вписывали вначале положительные ка-

чества кумиров и призывали голосовать за них, а потом – отрицательные качества противников и призывали голосовать против. Через какое-то время подводились итоги голосования. И в таком вот виртуальном бое Артемова – Панов победили Вайт – Джувелера со счетом 536:7. Конечно, 536 положительных качеств поклонники у Инги и Алексея не обнаружили, но восхваляли похлеще журналистов: и красивые, и талантливые, и опытные, и честные, и страну свою любят... а главное – жутко любят друг друга, а потому всех победят.

Денис прочел еще пару интервью, конечно тоже совместных, Инги и Алексея. Но и из них никаких «жизненных» подробностей выудить не удалось. Единственное, что Денис понял: фигурное катание для них не работа с восьми до пяти пять дней в неделю. Они варятся в этом постоянно, и ни на что другое нет ни времени, ни желания. Спорт для них и призвание, и заработок, и хобби.

И это не то чтобы плохо, но определенно создаст большие трудности. Ибо если Панов весь в фигурном катании, значит, и его неприятности, и их источник где-то там же внутри. А на изучение всей тамошней кухни можно потратить годы и годы и так и не постичь даже видимой стороны – что уж говорить о закулисе, которое, как и в любой другой сфере, связанной с деньгами, титулами и наградами, обязательно полно интриг и заговоров.

– Знаешь, Коля, бросал бы ты свои дурацкие киношные

идеи. – Демидыч не одобрял задумки Щербака притвориться электриком, чтобы поговорить с местным населением.

– Демидыч, все равно с утра спать не хочется. Убытка нам никакого. Зато пользу обществу принесу.

С утра приморозило. Николай выскочил из машины и сразу стал приплясывать, дуть на голые пальцы. Демидыч кинул ему тканевые перчатки с резиновыми пупырышками, в народе прозванные «картофельными». Подставной электрик был одет в форму железнодорожного рабочего, причем сверху накинул дикого вида балахон, использовавшийся ранее, судя по разноцветным пятнам, при малярных работах. Стремянку взяли в офисе, хотя джип со стремянкой на крыше выглядел чересчур. Весьма колоритно выглядел и электрик, несущий стремянку от самого ЖЭКа до подъезда. Вроде бы никто не видел приготовлений к театру, место было выбрано с умом.

Подойдя к подъезду, Николай с хмурым лицом деловито установил стремянку, влез на нее и начал возиться с лампочкой, ожидая, пока кто-нибудь выйдет или войдет.

Удача не оставила сыщика. Запищал домофон, дверь открылась, на улицу вышли две довольно пожилые женщины. Одна вела на поводке таксу, другая несла матерчатую сумку и полиэтиленовый пакет, – видимо, на рынок собралась.

– Вот молодец, сынок! – одобрила действия Николая хозяйка таксы.

– Работа такая! – молодцом отвечал Николай, флегматично выкручивая лампочку.

– Вот ведь посылают в такой мороз работать. Дома-то, по-ди, лучше сидеть? – включилась в беседу вторая бабушка.

– Работа такая! – Николай уже чувствовал себя героем фильма про монтажников-высотников, причем самым положительным героем. Он решил не затягивать с прелюдией и ринулся в бой: – Слыхали, вашего соседа показывали по телевизору на той неделе?

– Какого соседа? Который грузовик здесь ставит на тротуаре? Его в тюрьму надо бы посадить.

– Да при чем тут грузовик! – Бабушка с такой яростно сопротивлялась попыткам собаки выскочить наконец с асфальта на снег. – Кто его будет показывать по телевизору-то?

– Алексей Панов, известный фигурист, наша надежда на предстоящей Олимпиаде! – Николай произнес эту фразу как опытный конференсье, с паузами и логическими ударениями. – Это вот его белая тачка стоит. Знаменитость нашего микрорайона! На шестом этаже живет!

– Что за Панов такой? – изумилась бабушка с сумками.

– Алеша Панов... – завспоминала другая. – Есть Алеша на шестом этаже, такой красивый мальчик, но он недавно тут живет. Я видела, как ему мебель привозили. Так я знаю его. Очень вежливый, здоровается. А он фигурист? У меня-то нет телевизора, я не знаю. Так он Олимпиаду выиграл?

– Выиграет! Обязательно выиграет! Артемова – Панов,

неужели не слыхали? Эх вы, блин, отстаёте от жизни, а ведь самое то время – следить за мировыми событиями, целый день в телик смотреть! – Николай старательно изображал рубаху-парня.

– Ну, может, и выиграет. А только он тихий, чтобы выигрывать, это уж точно. Переедут его. – Бабушка была настроена скептически.

– А что, уже пытались, что ли?

– Так это с ним тут драка-то была? Хулиганы из того дома пришли драться с нашими мальчишками, а попало другому, говорили, не то хоккеисту, не то фигуристу, – проснулась память и у второй бабушки.

Однако удача как пришла неожиданно, так и ушла – так-са наконец вытянула свою хозяйку на дорогу, и бабушки, не прощаясь, без лишних слов ушли. Николай уже достаточно замерз, поэтому ввернул наконец лампочку, другую сунул в карман балахона и отправился со стремянкой к джипу.

Демидыч выслушал информацию с каменным выражением лица, как обычно. Потом вынул из кармана у Николая лампочку, повертел в руках и неожиданно улыбнулся:

– Да, Коля, только лампочку ты хорошую обратно принес, а перегоревшую там оставил.

Новый день почти ничем не отличался от предыдущего. Точно так же битый час Панов полз от своего дома до спорт-комплекса «Динамо», как будто специально дожидаясь крас-

ного света на светофорах. Николай провел еще один хитроумный маневр – проник в здание катка, уселся на трибуне и часа два наблюдал за тренировкой фигуристов. Ему хотелось обнаружить хоть что-то подозрительное, – на худой конец, нелады в отношениях между партнерами или тренерами. Успеха эта затея не принесла. Панов нежно поддерживал и осторожно раскручивал Ингу, которая глядела на него влюбленными глазами. Без яркой косметики, обязательной на соревнованиях, девушка была обворожительна, она так и сияла какой-то простой, бесхитростной красотой. Вдоль бортика прохаживался Вячеслав Викторович Карпов, мрачного вида тренер. Алексей Панов был безупречно вежлив, а Карпов обращался с ним по-отечески. Прямо на площадке раздавала указания, без устали следуя за своими подопечными, повторяя с ними почти все фигуры, Татьяна Весталова. Кроме этих четверых, на льду никого не было. Мирную обстановку ничего не нарушало, и Николай вконец заскучал.

Демидыч если и скучал, то не подавал виду. Для него вообще нехарактерно было подавать вид. Что в безумной пробке, что на скоростной загородной трассе, он постоянно сохранял ледяное спокойствие. Его джип держался за «опелем» как привязанный невидимой ниточкой. В данный момент они с умеренной городской скоростью ехали по Профсоюзной улице, провожали клиента до дома, как выражался Демидыч. От площади Гагарина между Пановым, дошедшим до перспективной идеи езды в левом ряду, и сыщиками дер-

жалась грязно-красная «десятка» с тонированными стеклами, судя по ее внешнему виду, только что проигравшая гонки на выживание на последнем этапе. Номер ее был частично заляпан грязью, виднелись только московское «99» и цифра «0» в середине. Примерно в районе универсама «Москва» Николай подумал, что эта «десятка» довольно подозрительно выглядит. Он открыл рот, чтобы озвучить свою мысль, и именно в этот момент «десятка» без всяких сигналов резко ушла в средний ряд, рванула вперед, обогнав «опель», и аккуратно перестроилась обратно, подрезав Панова. На языке автогонок этот маневр называется «слип-стрим», успел подумать Николай. Время неожиданно остановилось для детективов, словно в замедленном повторе они увидели, как Алексей Панов, удивительно быстро реагируя, притормаживает и выворачивает руль влево, как его белый автомобиль уходит носом на встречную полосу, как фигурист, понимая, что не успеет сдать назад, доворачивает и доворачивает влево, как громадный «линкольн-навигатор», бешено несущийся в сторону центра, пытается затормозить и буквально сносит уже почти развернувшемуся «опелю» правый бок и заднюю часть. Остатки машины раскрутило волчком, и через несколько секунд искореженная иномарка замерла ровно посреди дороги. Сигналя и визжа тормозами, поток машин пытается обогнуть место аварии, но свободного пространства слишком мало, и мгновенно возникает пробка. Тяжеленный «линкольн» с разбитой фарой, но в остальном целехонький

уже остановился, из него выскочил плотный мужчина в кожаной куртке и бросился к Панову. Открылась дверь «опеля», Алексей, бледный как смерть, дрожа крупной дрожью, вывалился наружу. Ноги его не держали, хотя он чудом не пострадал, лишь ремень безопасности вдавился так, что перехватило дыхание.

Всего этого детективы «Глории» уже не видели – разве что Демидыч в зеркале заднего вида мог наблюдать за стремительно уносящейся картиной аварии. Его рефлексы сработали быстрее, чем голова. С ревом джип вылетел на «нейтральную» полосу и помчался за не успевшей уехать далеко «десяткой», догнать которую им, к сожалению, так и не удалось.

Николай выхватил мобильник и позвонил в офис:

- Филя? Хватай машину, дуй немедленно к универмагу «Москва»! Там ДТП, увидишь, короче!
- Панов? – только и успел спросить Агеев.
- Да, будь с ним, держи связь!

Глава четвертая

Генеральская дочь (1995 г.)

Алеша Панов как обычно пришел задолго до начала занятий. В тренерской брэнчал на балалайке Лев Николаевич. Странно, сегодня Костышин выводит на своем любимом инструменте какие-то печальные рулады, а не залихватские мажорные мелодии. Да и сам выглядит как-то понуро.

– Ну что, Алексей, как всегда раньше всех? – встрепелнулся тренер, включив свою обычную улыбку на полную мощь. – Ты давай сейчас прямо на лед, повтори прыжки как следует, а то соревнования на носу.

– А на сборы когда поедем? – спросил Алеша.

– Что тебя так тянет подальше от дома? – удивился тренер, и сразу же осекся, увидев, как мучительно покраснел его ученик. – Что-то дома не так?

– Да, отец вернулся. Пьет уже вторую неделю.

– М-да, дела... Не горюй, придумаем что-нибудь. Иди переодевайся, я попозже подойду посмотрю, как у тебя получается. Сейчас позвонить надо в администрацию.

Леша любил эти ранние утренние часы, когда он мог сосредоточенно, в полном одиночестве отрабатывать сложные элементы. Привыкнув с раннего детства проводить большую часть своего времени в ледовом дворце, он давно свыкся с

мыслью, что его настоящая жизнь – здесь, где светло, нарядно и красиво. Где он, как настоящий сказочный принц, танцует на балах с прекрасной принцессой. Инга, в паре с которой он продолжал тренироваться, казалась ему настоящей принцессой. И не столько из-за того, что была симпатичной, голубоглазой девочкой с длинными белокурыми локонами, сколько потому, что обладала в его глазах недостижимым социальным статусом. Папа-генерал вполне мог сойти за могущественного короля, а изящная, рафинированная, интеллигентная мама, преподаватель-филолог в университете, – за настоящую королеву. И только на льду он мог забыть о мрачной однокомнатной квартирке, где ютились они с матерью и отцом-алкоголиком, недавно вышедшим из заключения.

Покатавшись для разминки по кругу, он перешел к отработке прыжков. Делал он это сосредоточенно и яростно. Ему казалось, что в глазах Инги только его технические успехи могут быть достойными внимания. Алеша и помыслить не мог, что он может быть привлекателен сам по себе. Девочка нравилась ему с раннего детства, но с недавних пор его чувство приобрело какие-то новые оттенки. В отличие от других девчонок из группы, Инга тренировалась не в классических спортивных костюмах из мешковатых тренировочных штанов и свитера, а в облегающем, плотном трико.

В свои неполные двенадцать лет она была уже вполне сформировавшейся барышней с аппетитными формами, этакая маленькая Барби. Алексей вдруг стал ошибаться, вы-

полняя самые простые элементы, когда рядом была Инга. То он не мог оторвать от нее глаз, то ему казалось, что она к нему относится пренебрежительно.

– Ага, опять ты меня обогнал! – раздался с трибуны ее звонкий голосок. – Ну погоди, я сейчас переоденусь – и будем отрабатывать прыжки вместе.

Борис Борисович, теперь уже в генеральском чине, стал еще важнее и могущественнее. Проводив взглядом свою красавицу дочь, он направился в тренерскую.

– Здравия желаю, Лев Николаевич! Как тут успехи у наших фигуристов? – пророкотал он своим генеральским басом.

– Да у детей-то все в порядке. Дети – молодцы, если бы не все эти заморочки организационные, быть им чемпионами, – невесело усмехнулся тренер.

Генерал нахмурился и сурово поинтересовался:

– Какие такие организационные проблемы могут помешать моей дочери стать чемпионкой?

– А вы, Борис Борисович, разве не знаете, что в стране творится? Юношеский спорт государство теперь не поддерживает. Вот мне администрация дворца выставила счет за аренду льда – никаких родительских средств не хватит, чтобы эти расходы погасить. И так все разоряются на костюмах, да поездки на сборы в какие деньги теперь обходятся.

– Хорошо, эти проблемы мы прорешаем. А как спортивные успехи у Инги с Алешей?

– Боюсь даже сказать, чтобы не сглазить. Пожалуй, на моем тренерском веку еще не было такой одаренной пары. У Инги настоящий чемпионский характер, и данные очень хорошие. И Алексей вон как выкладывается на льду, такого партнера еще поискать. Если бы все шло как раньше, когда не надо было деньги наскребать на тренировки, быть им чемпионами России через год-другой. А там и на европейское первенство выходить можно.

– Не волнуйтесь, Лев Николаевич, дайте-ка мне телефончик администрации. Я подумаю, что можно сделать.

... Через неделю Инга и Алеша сидели за круглым старинным столом в гостиной генеральской квартиры и пили чай с пирожными, которые испекла Ингина мама.

– Алешенька, мы вот для тебя костюм подготовили новый, чтобы с Ингиным платьем сочетался, – проворковала Елена Сергеевна. – Ты примерь, подходит ли.

Алеша послушно взял сверток и удалился в другую комнату переодеться. Он надел костюм для их новой программы и обомлел, взглянув в зеркало. Перед ним был юный Дориан Грей. Благородное лицо, выразительные глаза, красивая осанка. Костюм наверняка был импортным, заказанным по специальным каналам. Конечно, никакие водолазки, расширенные блестками, не шли в сравнение с этой роскошью. Алеша робко вошел в гостиную.

– Ух ты, прямо настоящий жених, – грубовато пошутил

вернувшийся со службы генерал. — Я сегодня обо всем договорился. Аренду катка проплатили спонсоры. На год вперед. И денег дали на подготовку к общероссийским соревнованиям. Так что, ребятки мои, катайтесь на своих конечках сколько влезет.

— Папка, какой ты молодец! — завизжала Инга и бросилась к отцу с поцелуями.

Алеша сидел в генеральской машине, отвозившей его домой от Артемовых, бережно прижимал к груди сверток с новым костюмом для выступлений, смотрел в окно и не замечал унылых улиц, а видел, как часто во сне, сверкающий лед, усыпанный букетами, пьедестал, они с Ингой поднимаются на самую высокую ступеньку, и... Грезы Алеши заводили его все дальше и дальше. Раньше пределом мечтаний была победа на соревнованиях в Москве. Большой и шумный Семен Иванович Фадеичев вручает им медали и говорит: я знал, что вы лучше всех в стране. Теперь Леша видел себя и Ингу не просто на пьедестале. Вокруг еще бесновалась толпа говорящих не по-русски поклонников, а над головой звучал наш гимн...

Придя домой, он увидел мать за швейной машинкой. Она шила фартуки и прихватки на продажу. Каждое утро Зинаида Федоровна мыла полы в ледовом дворце, днем работала посудомойкой в заводской столовой, а вечером, вместо того чтобы отдохнуть, строчила на машинке, водрузив на нос

старые, сломанные на переносице и схваченные изолентой очки.

– Мам, смотри, что мне Артемовы подарили, – сказал Алеша, развернув сверток.

– Ой, красотища какая! – воскликнула мать. Осторожно коснулась тонкой блестящей ткани и тут же отдернула руку: как бы шершавыми, потрескавшимися от бесконечной возни с водой пальцами не порвать, не испортить. – Принц ты мой маленький. Это ж сколько деньжищ на такую красоту потрачено?!

Заметив, что Алеша мучительно краснеет, Зинаида Федоровна затараторила:

– Что ты, миленький мой, стесняешься? Где они еще такого партнера найдут, как ты? Вон все мальчишки... чуть трудность какая – и бросили давно уже занятия. А ты ведь у меня талантливый.

– Что ты из сына пидора делаешь?! – Входная дверь с шумом распахнулась, ввалился Панов-старший, вдрызг пьяный. – Что это за манишки-рюшечки такие? Удумала чего! Мужик на автослесаря должен учиться, а не жопой на льду вилять, – заорал он, шатаясь. – И деньги нечего расшвыривать на всякую фигню. Конечки, платочки, шнурочки. В доме выпить нечего, а они...

– Алкаш несчастный, – запричитала Зинаида, – всю жизнь мою загубил, теперь жизнь сына загубить хочешь? У него же талант! Он чемпионом станет. На него весь мир смотреть бу-

дет. А ты сдохнешь от своей горькой. Под забором сдохнешь!

– Заткнись, дура. Если бы не этот спиногрыз, да я бы... Я бы начальником автостанции давно был. Меня ведь в партию приглашали вступить!

– Ха! Его! В партию! Где был ты и где партия. Всю жизнь на диване лежал да водку хлестал. Даже воровать по-настоящему не умел.

– Дура, тварь, курица мокрая! Что ты делать-то умеешь! Я кормил вас с этим спиногрызом несчастным всю свою молодость, всю жизнь на вас угробил – и где благодарность?! Душа у меня болит, выпить надо. Я за вас на нарах сколько лет парился, думаешь, там курорт? Ты хоть раз ко мне на свидание приехала? Небось трахалась тут со всеми подряд!

Зинаида неожиданно умолкла. Злобно посмотрела на своего супруга и зашипела свирепой и отрывистой:

– Слушай меня, сволочь, если ты попробуешь помешать мне Алешеньку в люди вывести, я тебе крысиного яду в водку подмешаю. Никто даже проверять не будет – помер по пьянке, и все. Пустили тебя в дом обратно, прописки не лишили – и сиди тихо. Мне от жизни уже ничего не надо, а ради Алексея я... ради сына!..

В голосе Зинаиды звучала суровая решимость, и семейный тиран Пал Иванович Панов притих. Он вспомнил, что когда-то Зинаида была пышногрудой красавицей, хохотушкой и дурочкой, приехала из какой-то глухой деревни в Свердловск и устроилась дворником ради жилплощади, в медучи-

лице поступать собиралась, каждый вечер бегала с подружками на танцы в Клуб железнодорожников. Вспомнил, как на спор с друзьями решил поухаживать за ней и соблазнить. Как врал ей про свою престижную работу на автостанции, про перспективы вступить в партию, про свои серьезные намерения. Потом привязался и даже на какое-то время поверил, что сможет рядом с ней вырваться в ту жизнь, про которую ей наврал. И Зинаида сдалась под напором его шикарных ухаживаний. Надо сказать, что он тогда сильно тратился. Цветы покупал, водил девчонку в шикарные кабаки, вел себя как настоящий фраер. А когда Зинаида сказала, что беременна, женился, дурак. Зачем женился?

Конечно, она в конце концов разобралась, что ее муж совсем не тот, за кого себя выдает. Только деваться ей было некуда, кому она нужна была теперь, брюхатая? Уговаривала, стерва: брось воровать, заживем как люди... Из-за нее первый раз и загремел по этапу, думал: возьму за один раз так, чтоб на всю жизнь хватило, – взял, называется. Замели мусора на кассе. Пока по форточкам шарился, был фарт. А потом как отрезало. Ох, и возненавидел Зинку за это! Люто возненавидел. И сынок, как назло, получился весь в мать – такой же голубоглазый, блондинистый, дурак и мечтатель. Порой Панову казалось, что это вообще не его пацан, прижила, стерва, с дешевым фраером. От этих мыслей он зверел еще больше, бил жену смертным боем. И она терпела, тварь, пока пацана не цеплял. А отодрал однажды за уши,

чтоб уважал старших, – накинута, чисто тигрица. С табу- реткой. Глаза бешеные, слюна брызжет: не тронь кровинуш- ку! С тех пор Павел Иванович поостерегся – убьет же, дура, ночью топором по башке жახнет. Вон вытянулась вся, по- мятая, пожеванная, чисто тряпка половая, все ради сыночка своего, педика, старается...

Пока родители ругались на кухне, Алеша, закрывшись с головой тоненьким шерстяным одеялом на топчане в углу, долго терзался невеселыми мыслями. Родители Инги столько для него сделали. Когда и как он сможет их отблагодарить? А красавица Инга, от одного взгляда на которую он начинает робеть, краснеть и чувствовать душевный трепет... Она, конечно, делает вид, что все нормально, что все так и должно быть. Но так быть не должно.

Алеша помимо тренировок много времени проводил в районной детской библиотеке, просиживал часами в читаль- ном зале, чтобы не идти домой, где валялся пьяный отец. Он прочитал всю романтическую литературу, которую смог най- ти на полках, и узнал страшное слово «альфонс». Он ужасно комплексовал, когда Борис Борисович в очередной раз пла- тил за него на сборах.

Перед тем как уснуть, Леша раздумывал, можно его на- звать альфонсом или нет.

А в это время в большой и уютной квартире, где никто не ругался и не устраивал пьяные драки, Инга уговаривала

маму:

– Мама, а мы Лешку пригласим к нам на дачу? Занятий ведь не будет на праздники, мы вместе погуляем по лесу.

– Да, Ингуся, конечно, приглашай кого хочешь. Только Дуняшу надо предупредить, чтобы гостевые комнаты протопила как следует. И белье постельное приготовила.

– Да не нужен мне никто, кроме Лешки. Мне с ним прикольно. Он меня слушается. Мам, ты видела, как он аксель стал здорово прыгать? Мы так правда все соревнования выиграем. Представляешь, он каждый день на час раньше на тренировки приходит и вкалывает. Другие мальчишки давно уже покуривать стали. Вон у Лариски партнер ни одной поддержки сделать не может, даже самой легонькой.

– Хороший мальчик, правда...

– Мам, я знаю, ты хочешь сказать, что его родители нам неровня.

– Нет, Ингусенька, что ты, что ты, – запротестовала Елена Сергеевна, на самом деле абсолютно согласная с утверждением, которое только что озвучила ее дочка. Когда она попросила мужа навести справки о семье мальчика, то просто ужаснулась. Уборщица и уголовник, есть от чего схватиться за голову. Но мальчик был такой воспитанный, такой старательный на катке, так трепетно относился к их дочери, что она научилась закрывать глаза на его происхождение и даже стала слегка опекать. К тому же в этом был и прямой резон. Негоже было выпускать парня на соревнования в обносках,

когда он катался вместе с их ненаглядной девочкой.

– И я же не с родителями его дружу, – добавила Инга, – а с ним самим. Ты, мам, меня не дослушала. Лешка уже всю тройные прыжки прыгает. Никто из нашей группы так не может. И хореограф его хвалит, потому что пластичный очень.

– Да, очень хорошо, что Леша старательно тренируется.

– Мама, ты не понимаешь. Он не просто старательный мальчик. Он делает очень серьезные успехи. Если он еще немного так постарается, то его вообще переведут в одиночники, а мне подsunут какого-нибудь убогого. – Инга уже почти кричала. Она с детства привыкла получать желаемое, и недавно подслушанный разговор заезжих столичных тренеров о возможном переходе Лешки в одиночники ей очень не понравился.

Инга оказалась в буфете ледового дворца рядом со столичными знаменитостями совершенно случайно. Она, конечно, знала, кто такие Татьяна Весталова и Вячеслав Карпов. Известные тренеры олимпийской сборной страны, а еще совсем недавно – знаменитые фигуристы, чемпионы мира и Олимпийских игр. Но она даже не догадывалась, что в Свердловск они приехали искать юные таланты, поэтому удивилась, когда услышала Лешкину фамилию.

– Ну что, опять впустую съездили, Танюша? – Карпов пил молочный коктейль и капризно кривил губы.

– Боюсь сглазить, – Весталова очень красиво улыбалась, –

но видела утром мальчика изумительного. Хорошо сложен. Высокий, гибкий, очень пластичный, при этом достаточно сильный. Прыжок роскошный, скольжение великолепное – очень хорошо поставили в раннем возрасте, наверное, хореографичен – хоть в Большой театр отдавай. Думаю, может сто очков вперед дать сегодняшним лидерам в мужском катании.

– Подожди, это такой блондинчик? Он же в паре катается.

– Слушай, при чем тут пара? Парень с такими прыжками станет прекрасным одиночником.

С этого момента Инга ловила каждое слово, мысленно благодаря Льва Николаевича, который попросил ее сбегать за минералкой. Благо народу в буфете было полно и девочке удалось подобраться вплотную к москвичам.

– Э, милая, тут нашим классическим способом ничего не выйдет. Я сегодня с Костышиным разговаривал, у этой девочки папаша – генерал, большая шишка с большими связями, он всю их секцию содержит, через него спонсоров на оплату катка нашли.

Татьяна Весталова задумалась, забарабанив холеными пальцами по краю стола.

– Генерал, говоришь? С генералами лучше поосторожнее. Думаешь, у него могут быть связи в Москве?

– Вполне могут быть. К тому же говорят, он перспективный и сейчас в фаворе у властей. Давай не рисковать.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Может, зама-

нить их вместе в Москву, а потом от девицы избавиться...

Инга, конечно, не знала, что Весталова и Карпов оказались в Свердловске не случайно. Что они совершали свое обычное турне по детским спортивным школам страны, чтобы не пропустить какого-нибудь самородка из провинции.

Они сравнительно недавно закончили свою блестящую спортивную карьеру и перешли на тренерскую работу. Люди очень амбициозные и нетерпеливые, они совершенно не желали тратить годы на то, чтобы выращивать из сопливых дошкольников настоящих спортсменов. Для этого есть всякие Костышины, обожающие возиться с малышкой, тренькающие на балалайке и думающие, что добротой и лаской можно многого добиться. В работе с детьми было много риска – талантливая девочка может набрать вес в переходном возрасте, способный мальчик может не нарастить силы и мощи, чтобы работать с партнершей, наконец, только в единицах живет настоящий дух победителя, без которого стать чемпионом невозможно. Весталова и Карпов стали практиковать другой метод, который на иностранный манер называли кастингом. Суть этого метода заключалась в элементарном переманивании способных подростков у провинциальных тренеров. После того как государство перестало поддерживать детский спорт и юношеские секции держались только на энтузиазме тренеров и их родителей, работать стервятниками от фигурного катания было очень выгодно. Пользуясь своими обширными связями в Госкомспорте, ловкие тренеры

легко переманивали юных спортсменов, подающих большие надежды, от наставников, которые пестовали их с раннего детства. Разумеется, все лавры воспитателей чемпионов доставались москвичам. За последние пару лет им уже удалось слепить несколько ярких пар, выигравших российские и европейские соревнования, теперь перед ними стояла задача найти будущих олимпийских чемпионов.

Конечно, ничего этого Инга не знала. Она поняла только, что Лешка понравился гостям, а она – красавица, умница, гордость родителей – почему-то не понравилась.

Когда тебе одиннадцать лет и когда все тебя любят и все тобой восхищаются, очень обидно такое услышать. Она покраснела и была готова заорать. Каким-то чудом сдержавшись, она подошла к москвичам вплотную и что-то пролепетала про автограф. Татьяна Весталова повернулась к ней со своей звездной улыбкой и широко расписалась на протянутом клочке бумаги.

– Девочка, это ты с Лешей Пановым в одной паре катаешься?

– Да, мы катаемся вместе. Уже областные соревнования выиграли, готовимся в Москве выступать.

– Ой, молодцы какие. А когда у вас ближайшая тренировка? – ласково спросил Карпов.

– Через полчаса.

– Мы подойдем посмотрим обязательно.

Инга поблагодарила за автограф и ушла, так и не узнав,

что звездная пара решила пока Алешу с ней не разлучать. Выждать сложный момент переходного возраста. Если парень за это время не сломается, не бросит кататься, рост его не замедлится, то за него можно браться всерьез. Не узнала она и того, что острая на язык Татьяна сравнила Ингино выступление на льду с выступлением эрдельтерьера на выставке:

– Экстерьер хороший, держится бодро, но особых талантов, честно говоря, не наблюдается.

Приглашение на дачу Артемовых на зимние каникулы для Алексея Панова было огромным событием. Он надеялся, что именно в эти волшебные январские дни он сможет признаться Инге в своих нежных чувствах. Он страшно нервничал и боялся показаться смешным.

– Мам, мне нужен приличный свитер. Инга сказала, мы будем кататься на лыжах.

– Детка, но у тебя есть очень хороший серый свитер в ромбики.

– Мам, ну кто сейчас такое носит. Нужен пушистый, лучше одноцветный, красный например. Что я, серая крыса какая-нибудь?

Леша требовательно настаивал на своем. Его уже раздражал вкус матери, который остановился на образцах советской роскоши конца семидесятых годов. Сейчас, когда все его сверстники из секции щеголяли в модных обновках с

коммерческих лотков, одежда стиля «из бабушкиного сундука» его просто бесила. Но мама преспокойненько могла ему навязать синий свитер с жутким коричневым кантом, мотивируя это тем, что он из хорошей шерсти. Ему было стыдно за то, как Зинаида Федоровна одевается, уродуя себя и старясь лет на двадцать в сравнении с ее реальным возрастом. А мама Инги выглядела как дикторша с телевидения – холеная, красивая и совсем не старая.

Когда они приехали к Инге на дачу, та сразу стала хвастаться своими хоромами. Дом был на славу. Не один взвод солдат отрабатывал здесь свою службу.

– Вот гостиная, здесь мама играет на пианино. Вот столовая, тут мы всегда обедаем. Второй этаж весь мамин с папой, а наверху моя комната и комнаты для гостей. Посмотри, тебе какая больше нравится. Вот эта с синими обоями или та, с большими окнами.

Леша оробел от такого великолепия и даже не знал, что сказать. Особенно его потрясли ваннные и туалеты на каждом этаже. Его представление о загородном доме заключалось в воспоминании о жалкой избушке на покосившемся фундаменте маминой знакомой, гардеробщицы Евдокии, к которой Алешу в детстве отправляли на лето. Удобства во дворе, маленький участок на шесть соток, колодец в конце улицы, пожарный водоем, в котором всегда пересыхала вода к середине июля.

После обеда, они все вместе – он сам, Инга и Елена Серге-

евна – сидели в гостиной у камина. Генералу Артемову пришлось задержаться на службе, и Елена Сергеевна развлекала детей самостоятельно. Она неожиданно обнаружила, что Алеша очень начитанный мальчик.

– Ты прочел «Страдания юного Вертера»? – искренне восхищалась она. – Не рановато ли для Гете?

– Совсем нет, мне очень понравилось. Только конец грустный.

– А еще что ты читал?

– Много читал, – серьезно ответил мальчик. – Пока маму жду с работы, всегда в библиотеке остаюсь. В читальном зале. Мне разрешают брать книги и со старшего абонемента.

Елена Сергеевна не стала спрашивать Лешу, почему он не идет домой и не читает книги дома. Она догадалась, что, возможно, обстановка дома вовсе не благоприятствует чтению романтической литературы.

– Дети, давайте я вам поиграю Шопена.

Инга скорчила гримаску. Рафинированная интеллигентность ее мамы не встречала понимания у дочери. Она была папиной дочкой – цепкой, хваткой, достаточно простой и очень упорной в достижении желаемого.

Леша смотрел на языки пламени в камине, Ингу, которая разлеглась на большой медвежьей шкуре и болтала ногами, корча забавные рожицы под мамин аккомпанемент. Ему казалось, что это чудесный сон и очень важно постараться сидеть тихо-тихо в уголке дивана, чтобы он не оборвался

неожиданно. Отблески каминного огня переливались на белокурых локонах Инги, и Леша в тысячный раз спрашивал себя, сможет ли он объяснить девочке, как она ему нравится.

Потом, ночью, в своей гостевой спальне, он пытался написать ей письмо с признанием. Писал, перечитывал, рвал в клочки, брал новый лист, писал заново. Уснул прямо в кресле у стола. А утром понял, что так ничего путного и не написал. Тогда и решил немного подождать с признанием. «Когда мы станем настоящими чемпионами, уже будем почти равней. Никто не вспомнит, что у меня папаша – уголовник, а мама – уборщица».

Глава пятая

Нападение

Алексей старался не смотреть в окно. Мелькающие за стеклом дома вызвали головокружение, а в машине было слишком жарко и неприятно пахло бензином. Он возвращался домой на такси. Завтра же нужно будет озаботиться новыми колесами, «опель» вряд ли починят меньше чем через неделю, да и непонятно, стоит ли его вообще чинить? Может, продать на запчасти и купить что-то новое? Главное, чтобы побыстрее – на такси не наездишься.

Неприятно заныло колено и при попытке согнуть ногу сухо щелкнуло что-то под чашечкой. Алексей подтянул колено к подбородку еще раз, потом еще раз. Нет, вроде ничего, не больно. Не хватало сейчас только слечь с травмой. После аварии он первым делом помчался в больницу. Не стал дожидаться, пока погрузят на эвакуатор машину, и гаишники оказались на удивление понятливые, не обязали торчать на месте до окончания составления протокола. Бог с ней, с машиной. Машин новых можно еще десяток купить, хоть завтра. А травмы – это морока долгая. Но в больнице сказали, что ничего страшного не случилось. Кости целы. Алексей настоял, чтобы сделали рентген всех ушибленных мест, – ничего. Синяки, конечно, будут, и голова, наверное, дня два побо-

лит, но сотрясение если и есть, то самое незначительное.

А вообще, эти «наезды» уже утомили. Ладно еще пока просто зубы или ребра пересчитывали, но сегодняшнее ДТП вполне могло обернуться и более серьезными последствиями. Конечно, все это закончится. Когда-нибудь и чем-нибудь. А пока нужно потерпеть или научиться не обращать внимания, или... Одно время у Алексея была мысль носить с собой пистолет, в прошлом году после победы на чемпионате Европы их с Ингой чествовали на приеме в МВД, они ведь формально относились к спортобществу «Динамо», а «Динамо» – вотчина МВД, и на этом приеме им подарили по именному пистолету. Алексею – ТТ, Инге – маленький дамский браунинг. Так вот, ТТ можно было бы носить в кармане. Но, поразмыслив как следует, Алексей передумал: как оружие нападения пистолет еще ничего, но когда прижимают в подъезде к стене и молотят по печени, пистолет не достать, а даже достав, стрелять придется прямо в живот нападающему, и будет труп, следствие, вой в прессе и прочая...

Когда подъехали к дому, уже совсем стемнело, у подъезда не было ни души, и лампочка над крыльцом снова не горела, на светлом фоне стены черным провалом зияла настежь распахнутая подъездная дверь. Алексея кольнуло неприятное предчувствие, и он нарочито медленно расплачивался с таксистом, неспешно, кряхтя, вылезал, держась за колено, так что таксист даже поинтересовался сердобольно, не помочь ли ему добраться до лифта. Алексей отказался. Что та-

кое таксист? Ему бы сейчас пару телохранителей, злую собаку или, на худой конец, бейсбольную биту. Как назло, и тяжеленная сумка с коньками осталась в смятом багажнике – хоть ею можно было бы размахивать...

И когда из темноты вынырнули две тени – одна горячо задышала в затылок, а вторая сверкнула фонариком прямо в лицо, – Алексей не удивился, но испугался. «Когда-нибудь и чем-нибудь», – может быть, бесславной гибелью, и прямо сейчас. Машину сегодня уже угробили, неужели мало, зачем еще один «урок»? Но вместо привычных зуботычин Алексей ощутил в карманах, под курткой, за ремнем на спине ловкие, цепкие руки. Его обыскивали быстро и профессионально. Вырвали из рук полиэтиленовый пакет с рентгеновскими снимками, вытряхнули их на пол, и лучик фонарика прошелся по черным пленкам, потом вернулся и обшарил с головы до ног Алексея.

Не было произнесено ни слова, но по изменившемуся тембру и темпу дыхания нападавших Алексей понял, что они в недоумении. Больше минуты ничего не происходило. Стоявший сзади просто держал Алексея за локти, а тот, что спереди, казалось, мучительно думает.

Потом он погасил фонарик и, глухо ухнув, саданул Алексею под дых. И подъездная темнота расцветилась сразу радужными сполохами. Рефлекторно согнувшись, Алексей ловил губами воздух. Добавив коленом по подбородку, но легонько, без куража, передний прошипел: «Мы еще вернем-

ся», а задний отпустил локти, и Алексей рухнул на грязный от растоптанного снега цементный пол.

Когда сыщики вернулись на место аварии, «опель» фигуриста грузили на ядовито-лимонного цвета эвакуатор с надписью на дверцах кабины «СТО „Люкс“». Владелец „линкольна“ беседовал с гаишниками, Панова нигде видно не было. Николай выскочил на тротуар и вклинился в толпу любопытных прохожих. Из возгласов в толпе следовало, что водитель „опеля“ был в стельку пьян или обкурился, что его забрала „скорая“, что у него была вся голова в крови и сломана то ли рука, то ли нога, что молодежь совсем обнаглела: покупает права, а ездить не умеет, что раньше бы за такое посадили лет на пять, и правильно бы сделали...

Николай вернулся в машину, а Демидыч уже названивал в справочную «Скорой помощи».

– Панова увезли в Пироговку, – сказал он. – В каком он состоянии, пока неизвестно. Поехали?

– Здесь-то уж точно делать нечего, – буркнул Николай.

Но до больницы они не доехали. Агеев позвонил еще раз и доложился:

– Панову только сделали рентген и отпустили. Очевидно, ничего серьезного. Сейчас едет на такси домой, я рядом.

Демидыч, облегченно вздохнув, развернулся и двинул к Теплому Стану.

Филя ждал их во дворе дома фигуриста:

– Приехал десять минут назад, – сказал он, – хромает немного, а в остальном все в норме. Я в подъезд за ним не ходил.

– Ничего, никого подозрительного? – спросил Николай.

– Вроде ничего. Из подъезда выходили два парня, потом еще мужичок с авоськой и совсем уже пару минут назад бабка с таксой. Все.

Настала пора подвести первые итоги. Следить за Пановым остался один Демидыч, как раз началась утренняя тренировка, и в ближайшие часа три никаких эксцессов не ожидалось. Остальные собрались в офисе.

– Денис Андреевич, я тут биографию Панова подготовил... – Никита Онисимов до сих пор чувствовал себя не в своей тарелке: упорно называл Дениса по отчеству и жутко комплексовал в обществе умудренных опытом коллег. – Значит... Панов Алексей Павлович, восемьдесят третьего года рождения, родился в Свердловске, ныне Екатеринбург, фигурным катанием занимается с шести лет, сразу начал тренироваться и выступать в паре с Ингой Артемовой, вначале их тренировал Лев Николаевич Костышин, с девяносто седьмого они тренируются в Москве под руководством Татьяны Весталовой и Вячеслава Карпова. Панов не пьет, не курит, наркотики не употребляет. Характер замкнутый, типичный сангвиник, интроверт...

– Это ты откуда взял? – хмыкнул Филя Агеев.

– Я прочитал несколько десятков его интервью... – снова смутился Онисимов. – Сразу становится понятно, что... мы это учили, как ведет себя человек в зависимости от темперамента, когда ему задают глупые вопросы...

– Ты продолжай, продолжай, – подбодрил Денис. – Что-нибудь еще узнал?

– Да. У Панова отец – вор-рецидивист. В общей сложности двенадцать лет провел в заключении. И я подумал, что это он мог с друзьями избивать Панова, требуя денег или московской прописки, а может, еще чего-то... Панов всегда очень стеснялся отца и сейчас каждый раз переводит разговор на другую тему, если у него начинают допытываться о родителях. То есть, если за покушениями стоит отец, Инге Панов ни за что не сказал бы.

Денис кивнул:

– Интересная версия. Что у тебя, Макс?

– Я покопался в Интернете. О Панове пишут много. В основном, конечно, о паре Артемова – Панов, но нарвался я на одну очень любопытную статейку. Вот, – Макс потряс распечаткой в полстраницы, – цитирую: «Я встретила Алексея Панова, где бы вы думали? – в казино „Титаник“. Он сидел в баре одинокий и невеселый. Красавицы Инги Артемовой рядом не было. Конечно, я не могла упустить такого шанса пообщаться со знаменитым фигуристом. Он пил сухой мартини, никуда не спешил и согласился ответить на пару вопросов. „Алексей, вот в спорте азарт, адреналин, острые ощущение

ния, вам не хватает? Приходите в казино подзарядиться или, наоборот, разрядиться?“ – „Я не игрок. Хотя люблю посмотреть, как играют другие. Это действительно помогает разрядиться после напряженных тренировок“. – „Что, совсем не игрок?“ – „Совсем. Не хочу искушать судьбу. Она и так подарила мне шанс стать чемпионом“. – „Ну а заработать? Многие приходят в казино поправить свое материальное положение...“ – „Мое дело – спорт. Зарабатывать потом и кровью медали и звания, отстаивать престиж страны. А финансы прерогатива Госкомспорта, надеюсь, – улыбается, – они избавят нас, спортсменов, от необходимости тратить время и силы на что-либо, кроме тренировок и выступлений...“ Дальше неинтересно. Журнал женский, поэтому разговор пошел о диетах, шмотках, детях и прочих домашних животных. Но сам факт, что Панов, грустный, торчал в казино, вам ни о чем не говорит?

– Проигрался, – кивнул Сева.

– Или систематически проигрывается, – хмыкнул Щербак. – Влез в долги, отсюда и прессинг. Кто-то включил ему счетчик и банально напоминает о том, что пора платить.

– Но в таком случае это не наша епархия, – заметил Сева. – Оно нам надо, отмахиваться за него от кредиторов? Деньгами мы ему не поможем, а себе неприятности наживем капитальные...

– Нет! – Макс отрицательно замотал головой. – Вы не врубаетесь! Если бы Панов был игрок, это всплыло бы – и не

в жалком женском журнальчике. Такие вещи скрыть невозможно, его физиономия слишком известна, давно раскусили бы и склоняли на все лады.

– Не факт, – парировал Щербак. – Он мог один раз попробовать и просадить столько, что за всю жизнь не расплатиться.

Компьютерный гений даже побагровел от возмущения:

– Вы слушали вообще, что я вам читал, или ворон ловили?!

– Давай без эмоций, – попросил Денис. – Слушали. Но что ты имел в виду, очевидно, недопоняли.

– Ладно, объясняю. У крутых, матерых сыщиков слова «Госкомспорт» и «казино», «Госкомспорт» и «игорный бизнес» никаких ассоциаций не вызывают?

– Вызывают, – ответил Денис. – Госкомспорт с августа прошлого года начал лицензировать игорный бизнес. Но в твоей статейке об этом ни слова сказано не было, во-первых. А во-вторых, при чем тут Панов?

– О Панове потом. Давай просто вспомним, что бывает, когда наше дорогое государство перестает финансировать спорт из госказны и предлагает самим спортивным функционерам заработать себе деньги. За примерами далеко ходить не надо. Вспомним «славный путь» Национального фонда спорта. Фонд что должен был делать? Зарабатывать средства на поддержку отечественного спорта. Ельцин освободил фонд от таможенной пошлины, налога на добавленную стои-

мость и акциза импортируемых товаров. НДС получил право беспошлинного ввоза в страну табака и алкоголя. Что из этого вышло?

– Многомиллионные скандалы, – сказал Щербак. – Смерть Отари Квантришвили, убийство Валентина Сыча и тэ дэ.

– Совершенно верно, – кивнул Макс. – Но это никого ничему не научило. Теперь Госкомспорт лицензирует игровой бизнес. Создан экспертный совет, куда кроме специалистов из Госкомспорта вошли представители МВД, налоговых служб и Минздрава. Формально за каждую лицензию в бюджет будет заплачено по тысяча триста рублей. Пусть в России в ближайшем будущем откроется миллион игровых домов. Я в это лично не верю, скорее на порядок меньше, но пусть миллион. Пусть все они заплатят за лицензию. Возьмите калькулятор и посчитайте, я лично уже посчитал. Примерно четыре с половиной миллиона «зеленых». Из которых на нужды спорта непосредственно пойдет едва ли половина. Много можно развить на такие деньги? На соревнования мирового уровня одну команду выставить – это максимум. Зачем же тогда Госкомспорту вся эта тягомотина и головная боль? Им что, делать нечего? Или их обязали, а они под козырек?

– Да, взятки брать будут! – воскликнул Сева.

– Вот именно. У спортивных чиновников появляется столь любимая ими возможность отказывать в лицензии тем

казино, которые не пожелают «добровольно делать отчисления на нужды спорта». А потом еще и «координировать» такие добровольные отчисления. Координировать, кстати, будет удивительно удобно. Проследить весь путь добровольных пожертвований с помощью посредничества разного рода благотворительных фондов не сможет даже самая крутейшая налоговая инспекция. Вот вам еще две цитаты: «Госкомспорт не планирует выходить с инициативой введения дополнительных сборов за лицензирование или увеличение этих сумм, однако многие игорные заведения готовы добровольно делать отчисления на нужды спорта. И Госкомитет будет координировать распределение этих средств». Это изрек начальник управления лицензирования и сертификации Госкомспорта. Заявление второе: «Окончательное решение по выдаче лицензии остается за председателем Госкомспорта Семеном Фадеичевым». А вы хоть представляете, о каких бабках идет речь? По мнению экспертов в МВД, теневой оборот от азартных игр ежегодно составляет десятки миллиардов долларов. Не зря, по той же милицейской статистике, каждый год в России погибает в междоусобных разборках примерно двести человек, связанных с этой сферой: карточные шулера, владельцы казино, братки, поддерживающие «крыши». Как и в любом другом бизнесе, тут давно все поделено. Игорный бизнес – это кормушка мафии. Как наши мафиози отреагируют на то, что часть прибыли теперь придется отстегивать Фадеичеву со товарищи?

– Ну понятно, – перебил Щербак, – опять будет война, но Панов тут при чем?

– Панов может быть связан со спортивной мафией.

– Каким образом? – не понял Николай.

– А таким: если посмотрите прессу примерно пятилетней давности, когда Артемова – Панов только начали светиться на крупных международных соревнованиях, то чуть ли не в каждой статье найдете упоминание о Фадеичеве. Он тогда ведал в Госкомспорте зимними видами спорта, поскольку бывший легендарный хоккеист. И его именовали не иначе как «крестным отцом» звездной пары. Он, дескать, заметил их еще детьми, в далеком Свердловске, совершенно случайно, но сразу понял, что они гениальные фигуристы, и прочая и прочая. Потом он неизменно оказывал им свое покровительство. И резонно предположить, что Артемова, Панов и Фадеичев достаточно близко знакомы.

– Ну и что? – недоумевал Щербак. – Мало ли с кем знаком Фадеичев. Даже близко знаком.

– Ты прикидываешься или правда такой тупой? – возмутился Макс. – Фадеичев начинает новый, опасный, но очень выгодный бизнес, так? У него, конечно, много знакомых и подчиненных, которые умеют просто виртуозно брать взятки. Но! С воротилами игорного бизнеса, за которыми, как мы выяснили, выше обязательно стоит мафия, надо обращаться очень осторожно и аккуратно. Чтобы они «добровольно отчислили» энную сумму, им неплохо бы продемон-

стрировать объект вливания: команду, человека, спортивное общество с именем и неплохими перспективами. Тогда можно будет поговорить и о дивидендах, и о долгосрочных инвестициях и тихо-мирно получить денежки. Причем заметить, если спортсмены уже раскрученные, то на самом деле они себе на хлеб с маслом и на костюмы с тренажерами и сами заработают. То есть бабки лягут Фадеичеву в карман, владельцам казино будет необидно и никто ни до чего не докопается. А Панов, как половинка звездной пары фигуристов, – идеальный кандидат для предъявления казиношным боссам. И Фадеичев ему, скорее всего, доверяет. Возможно, доверяет настолько, что Панов лично собирает взятки и передает их «крестному».

– Но если все так хорошо, кто же его прессует? – спросил Филя Агеев.

Макс только пожал плечами:

– Я вам нашел мотив, а дальше разбирайтесь.

– Нет, деньги – мотив хороший, – протянул Щербак. – Но больше ты точно ничего не нашел? Может, ему мстит кто-то или там нездоровая конкуренция: было же что-то такое, кому-то ногу сломали из фигуристок, кажется, кого-то порезали? Никита, ты ничего про злобных конкурентов не выяснил?

– Выяснил, – встрепенулся Онисимов. – Среди российских пар главными конкурентами пары Артемова – Панов являются Светлана Рудина и Георгий Сванидзе, их трени-

руют Анна Трусова и Ольга Красовская, но они, мне кажется, незлобные. А есть еще американцы Линда Вайт и Роберт Джувелер. Я о них пока мало что знаю, но выясню. Обязательно.

– Ладно, остановимся пока на финансовых мотивах, – резюмировал Денис. – Причем отработать нужно обе версии: и Панов-игрок, и Панов связан с околоспортивной мафией.

– Ты уверен, что стоит с этим связываться? – поморщился Сева Голованов. – Может, ну его, а? Ей-богу, себе дороже будет.

– Связываться и не будем, но проверить надо. Думаю, излишне предупреждать: на рожон не лезть и вести себя еще более незаметно, чем прежде. А еще нужно обязательно отработать «десятку», которая спровоцировала ДТП. Макс, пробей, пожалуйста, по гаишной базе данных угнанные машины, соответствующие этой, и вообще, все красные «десятки» со вторым нулем в номере. По мере выявления контактов Панова будем примерять машину на фигурантов.

Глава шестая

В сумасшедшем ритме (1997 Г.)

Алексей лежал на своей кровати в гостиничном номере подмосковного пансионата. Теперь они тренировались здесь. И тренеры у них теперь новые – звездная пара Татьяна Веста-лова и Вячеслав Карпов, блиставшие на ледовой арене некоторое время тому назад. Конечно, мастера они классные, никто не спорит. Но Алеша переживал, что они даже не успели попрощаться со Львом Николаевичем перед отъездом в Москву. Лев Николаевич был болен, на катке не появлялся, а времени сходить к нему домой так и не удалось выкроить. Алеша, будучи юношей чувствительным и благодарным, хорошо помнил, что именно его первый учитель вырвал его из ужасной повседневности, именно благодаря ему Алеша и Инга победили на чемпионате России среди юниоров, именно благодаря ему теперь перед ними открыты двери на престижные международные соревнования. Иногда Леше снились кошмарные сны, будто какая-то неодолимая сила вдруг снова как магнитом утягивает его со льда в темный угол гардероба, где сидит шамкающая беззубым ртом баба Дуня и стоят ведра, швабры и тряпки. Каждый раз, просыпаясь в холодном поту, Леша клялся себе, что будет тренироваться до изнеможения, только ни за что не вернется к этому затхлому

запаху половых тряпок.

Вдруг в дверь номера кто-то поскребся, потом дверь распахнулась – и на пороге возникла смеющаяся Инга:

– Ну что ты как печальный Пьеро лежишь тут? Вставай, собирайся, у нас целое воскресенье свободное, поехали Москву смотреть.

– Да, но...

– Никаких «но», завтра мы начинаем тренироваться, а сегодня у нас последний свободный день. Прекрати краснеть, словно девица, деньгами меня папа снабдил. Быстро одевайся!

Сумасшедший ритм мегаполиса завораживал ребят. Они жадно впитывали все: гулкие шаги толпы в метро, многообразие говоров, нарядов, людских типажей.

– Ой, смотри, какая юбочка! У нас в Свердловске так никто не носит!

– Угу, поехали на Красную площадь.

– В Мавзолей пойдем, покойничка смотреть? – съехидничала Инга.

– Нет, мороженое есть, – огрызнулся Алексей.

Алексей был неожиданно угрюмым в тот день. Он впитывал Москву в себя, казалось, кожей. Для его чувствительной натуры Москва стала огромным потрясением. Ему было трудно понять, в чем же суть того большого и нового, что навалилось на него. Москва захватывала своим масштабом. Ему, провинциальному пареньку с Урала, было страшно за-

теряться в этих потоках людской энергии, но вместе с тем его восхищала масштабность всего происходящего. Он чувствовал, что если настроится на правильную волну, то сможет и сам попасть в русло успеха и никто уже не вспомнит о несчастном мальчонке, которого заставляли сидеть среди грязных ведер и швабр. В его родном городе, хоть и не маленьком областном центре, в неспешном, размеренном ритме каждого дня, с ежедневными встречами с одними и теми же людьми, казалось, каждый прохожий знал, что он тот самый Леша Панов, отец которого недавно вернулся с зоны, мать которого работает обыкновенной уборщицей. Старушки во дворе гадали, пойдет он по отцовской дорожке или все-таки станет приличным человеком. Он и не мечтал когда-нибудь избавиться от этого липкого шлейфа своей среды.

Сейчас они бежали по столичным улицам, смеялись, заглядывали в витрины – Леша видел всего лишь гибкого и стройного подростка рядом с красивой сверстницей. Ему вдруг в голову пришла крамольная мысль: «Я ведь ничем не хуже Инги. Мне не надо за себя постоянно оправдываться». Леша встрепенулся, отбросил меланхолию и новым, решительным тоном сказал:

- Пойдем, я тебе мороженого куплю.
- Спасибо, клубничного, пожалуйста. Ой, посмотри, какое эскимо прикольное. У нас такого в Свердловске нет.
- Эскимо, пожалуйста, – важно произнес Леша, преподнеся батончик эскимо своей даме как величайшую драгоцен-

ность. Собственно говоря, для его бюджета это почти так и было.

– На Ленина мы смотреть не пойдем. Поехали на Воробьевы горы. Оттуда всю Москву сверху видно.

– Ой, Лешик, как ты здорово придумал! Поехали!

Когда они добрались до смотровой площадки на Воробьевых горах, на Москву уже опустился вечер.

– Давай высоты считать! – взвизгнула от радости Инга.

«Да, я точно ничем ее не хуже», – думал про себя Алексей, как бы пробуя на вкус новое ощущение. Рядом прогуливались такие же подростки, как они. Кто-то, так же как они, приехал издалека. Но здесь, сейчас это не имело никакого значения. Они с Ингой были молоды, талантливы, красивы, полны сил. Он видел, что люди оглядываются на них. Они, безусловно, были красивой парой. «И я тоже!» – радостно подумал он.

– Лешик, – вдруг прошептала Инга, – сегодня такой вечер чудесный. Давай желания загадаем. Монетки надо было в фонтан в ГУМе бросить. А мы забыли. Ну и ладно. Мы все равно в Москве точно остаемся, так ведь?

Инга вдруг стала разговаривать с Алешей как-то по-детски и очень доверчиво. Обычно она верховодила, командуя задумчивым мальчиком. А сегодня она словно почувствовала его уверенность в себе.

– Вот ты чего в жизни хочешь? – требовательно спросила Инга, возвращая себе командные интонации.

– Ну не знаю... Так сразу не скажешь...

– Ты не понимаешь! Надо обязательно отчетливо хотеть.

Иначе ничего не сбудется. Я всегда знаю, чего хочу!

– Ну и чего ты хочешь?

– Я хочу много-много денег.

– Денег? Много? Это сколько?

– Сто миллионов долларов.

– Сколько-сколько? – обескураженно переспросил Алексей. Ему самому вряд ли могла прийти в голову сумма больше тысячи, в крайнем случае – десяти тысяч рублей.

– Сто миллионов долларов, – упрямо повторила Инга.

– И зачем? Что ты с ними будешь делать?

– Сейчас расскажу. Я уже все рассчитала. Во-первых, дом во Флориде.

– Это где?

– В Америке, дурак. Там замечательный климат. – Увидев недоуменное лицо Алеши, она разъяснила: – Ну это недалеко от Санта-Барбары. Хотя и не очень близко. В общем, в тех краях.

Объяснять Леше, что такое Санта-Барбара, было абсолютно бесполезно, поскольку телевизор отец пропил лет пять назад, а нового так и не купили. А даже если бы и был телевизор, стал бы Алексей смотреть слезливые сериалы?

– У вас же есть прекрасная дача под Свердловском?

– Ты что, дурак или прикидываешься? Я хочу, чтобы у меня был дом. С дворцом. И повар, и прислуга настоящая. –

Она осеклась, увидев полное недоумение на лице своего друга. – Ну ладно, предположим, это я пошутила. А ты что бы сделал, если бы у тебя было много денег?

– Ну... Потратил бы на подарки. Маме. Льву Николаевичу. И всем, кому сейчас нехорошо.

– Дурачок ты мой, – умилилась Инга и потрепала Алешу по золотистым есенинским кудрям.

Ребята приблизились к парапету и стали смотреть сверху на вечернюю Москву. Алешу охватило обычное волнение от близости Инги, она почувствовала это и, слегка кокетничая, сказала:

– Лешик, мне холодно что-то, ты меня мороженым перекармли.

– Сейчас-сейчас, Ин.

Алексей снял куртку и надел на плечи партнерши, она задержала его руку у себя на плече. Потом вывернулась, и, поглядев ему в лицо своими шальными, смеющимися глазами, обхватила руками за шею и поцеловала настоящим взрослым поцелуем.

Возвращались на спортивную базу они в задумчивом молчании, словно предчувствуя, что с этого момента начинается их взрослая жизнь. Приехав, они обнаружили, что в номерах почти никого нет. Большинство спортсменов оставались до понедельника в Москве, у родственников или знакомых.

Инга затащила Алешу в свою комнату и объявила:

– А сейчас мы по-настоящему отметим начало нашей мос-

ковской карьеры!

Она вытащила из холодильника бутылку шампанского и коробку шоколадных конфет и приказала Алексею:

– Открывай, а я в ванную!

Леша замешкался с шампанским, не хватало сноровки, и тут к нему подошла Инга в струящемся шелковом халате бирюзового цвета. Ее длинные волосы были распущены, глаза сияли.

– А теперь мы на ночь почитаем сказочки, – прошептала девушка и кинула Алексею большую книгу с массой иллюстраций.

– Это что за книга? Камасутра какая-то... Что это, Инга?

– Пей шампанское, и я тебе все расскажу, – прошептала Инга, зажимая его рот поцелуем.

На какое-то мгновение в голове Алексея снова вспыхнули сомнения, достоин он Инги или нет, кого и при каких обстоятельствах можно называть альфонсом, но шампанское сделало свое дело, и на несколько часов он напрочь забыл об изматывающих тренировках, тоске по домашним, и вообще обо всем на свете...

Рано утром, когда Леша уже добрался на всякий случай до своей комнаты, чтобы избежать лишних разговоров, к нему постучалась дежурная по этажу:

– Леша, Панов, тебя к телефону. Из Свердловска мама звонит.

Сквозь треск старенького телефонного аппарата Алексей

с трудом различал мамины слова:

– Суд был по делу Льва Николаевича. Товарищеский. Отстранили его от работы. Совсем. Сигнал пришел, что он пьет и учеников избивает. Поэтому нельзя, мол, ему на тренерской работе. А из старых учеников никого не осталось. Кто мне, простой уборщице, поверит? Что же делать, Лешенька? Такой человек погибает. И правда запил, ведь работать уже два месяца не дают. Теперь ничего и не докажешь.

– Как – не дают, мам? Он же болел!

– Не болел, сняли его.

– Мама, мама, не может быть... Лев Николаевич, он же голоса ни на кого не повысил ни разу! Мама, слышишь, надо сказать им...

Но связь прервалась, и Леша остался в горьком недоумении, как такое может быть, когда самый лучший тренер на свете остается без своей работы и ему можно предъявить такие нелепые обвинения.

На утренней тренировке он подбежал к Татьяне Весталовой и, запинаясь, попытался поделиться своей проблемой:

– Понимаете, они на нашего тренера наговорили. А он ведь был такой добрый, как так случилось? Мне надо обратно ехать в Свердловск, чтобы рассказать всю правду...

– Не волнуйся, Алеша, не волнуйся, – пропела своим глубоким, уверенным контральто холеная Татьяна Игоревна. – Я позвоню сегодня в Госкомспорт, там разберутся.

А Вячеслав Викторович Карпов заторопил, зарокотал

бодрым баском:

– Посторонние мысли долой! Отрабатываем серпантин! Поехали! Поехали! Живее! Веселее!

Московские тренировки были совсем не похожи на то, чем они занимались в Свердловске. В родном городе Алексей и Инга уже давно привыкли к своему лидерству на местном уровне и гордились им. В Москве им приходилось работать на одном льду с сильнейшими спортсменами страны, и они постоянно чувствовали, что многого еще не умеют. От отработки шагов они перешли к поддержкам. Теперь им случилось за одну тренировку делать по сотне поддержек. Единственное, что немного утешало Алексея, обливающегося потом и падающего с ног от усталости, это то, что в книжке Ирины Родниной он прочел, что их норма с Зайцевым была в два раза больше.

– Инга, что ты делаешь? – неожиданно резким голосом закричала Весталова. – Если ты таким куркулем будешь сидеть наверху, ты и сама гробанешься, и Алексею руки переломашь. Хватит на сегодня, марш в тренажерный зал. Пресс накачай как следует, пожалуйста, а то живот висит как у беременной. Алексей, ты на льду остаешься, будем прыжки отрабатывать.

Поначалу новые тренеры казались ребятам безжалостными садистами. К тому же Весталова явно не жаловала Ингу. Амбициозной девушке, привыкшей к всеобщему восхище-

нию, было трудно с этим смириться.

Вячеслав Карпов выполнял роль своеобразного буфера между резкой, стервозной женой и всем окружающим миром.

– Слушай, чего ты на девчонку взъелась? Извести хочешь? – спросил он однажды жену.

– Надоела. Болонка самовлюбленная. Вкалывать надо, а не в зеркало смотреться. Давай Панова в одиночники переведем, а ее обратно в Свердловск отправим. Заодно и тренера того низового реабилитируем. Пускай, правда, с детишками работает. Цели-то мы своей уже достигли.

– Танюш, ты не горячись, – уговаривал Карпов. – Ты же знаешь, что Артемов с Ельциным знаком по свердловским делам? Оно тебе надо – связываться? Кроме того, Фадеичев на каждом углу кричит, что дал путевку в жизнь Артемовой и Панову именно как паре. Зачем нам лишние неприятности? Давай поосторожнее на поворотах. Девчонка неплохая, характер спортивный. На тебя, кстати, похожа. Тоже – или все, или ничего. И в конце концов, мы же всегда хотели выстрелить именно с парой. А где мы найдем Панову другую партнершу?

– Раздражает она меня. Из Панова можно сделать классного одиночника и выиграть с ним все чемпионаты. До Олимпийских игр дойти можно.

– Слушай, разве я спорю? У Панова правда данные классные, и вкалывает он как одержимый. Но вялый он, мягкий,

а Инга его очень хорошо стимулирует. Это в спортивных танцах надо, чтобы партнеры были как шерочка с машерочкой. А в парном катании партнеры должны подстегивать друг друга. Юниорскую Европу с ними взять можно. Французы и немцы сильные, перешли во взрослую лигу, Рудина и Сванидзе, которых Красовская взяла, совсем еще зеленые. Пока они нам конкуренции не составляют, будем бороться за золото.

– Пожалуй, – воодушевилась Татьяна, – если золото на Европе юниорское возьмем, можно будет уже за хорошие деньги взять итальянскую пару, они там пропадают без хорошего тренера. Или американцев... Ладно, ты с Пановым тут попрыгай, а я пойду девчонку обработаю.

Татьяна обнаружила Ингу в буфете за чашкой кофе с пирожным.

– Деточка, ну что же ты вытворяешь? – неожиданно ласково пропела Весталова. – Ты знаешь, сколько лишних грамм такая пища прибавит?

– Но я... Понимаете... – растерялась застуканная за нарушением диеты Инга. Она нахохлилась и нахмурилась.

– Так, быстро все это унесите, – повелительно щелкнула пальцами Весталова. – Нам два салатика легеньких без майонеза, фруктовое ассорти и кусочек курочки отварите, пожалуйста.

– Спасибо, но я сама...

– Ничего-ничего, я тебе помогу. Питание в нашем деле –

великая вещь. Нельзя в себя всякую дрянь запихивать. Ты девочка красивая, фигурка у тебя замечательная, но если вдруг неправильные тренировочные нагрузки и неправильная еда соединяются, могут очень некрасивые деформации мышц получиться. Так что ты лучше делай все, как мы тебе с Вячеславом Викторовичем говорим.

– Да-да, конечно, – все еще недоверчиво и настороженно отвечала Инга.

– Вот что, детка, я думаю, на сегодня тренажерный зал можно отложить, давай мы сейчас по городу прошвырнемся и поговорим заодно. Есть важные вещи, которые нужно обсудить.

Когда Татьяна Весталова задавалась целью, она могла очаровать кого угодно. Только свое обаяние она включала лишь для нужных людей и в нужное время. Сейчас, когда они с Карповым решили получить европейское золото для своей пары, она была готова на все, чтобы расположить к себе девчонку. Тем более это было и несложно. Прошвырнуться по магазинам, посмотреть красивые наряды, кое-что купить для девчонки. Разыграть роль элегантной старшей подружки. Нашептать о чемпионских перспективах.

Ближе к вечеру они сидели за столиком японского ресторана, поедали малокалорийную и полезную японскую пищу и болтали как две лучшие подружки.

– Ой, смотрите, какой костюмчик! У нас в Свердловске такого не увидишь, – щебетала Инга, листая «Космополит-

ЭН».

– Конечно, детка, это же «Космо», самый модный дамский журнал. Как раз для молодых женщин, у которых есть голова на плечах и которые не хотят всю жизнь прозябать, – сказала Весталова. – Кстати, твой папа не думает снять тебе в Москве квартирку? В пансионате, конечно, хорошо, но на своей территории наверняка удобнее.

– Папа сказал, что, если у меня в Москве дела пойдут, он купит мне квартиру, – небрежно заявила Инга, как будто речь шла о безделушке, не стоящей внимания. И неожиданно проговорила: – А нам с Лешиком и в пансионате сейчас нормально. Папа вряд ли разрешит нам жить вместе так сразу. Мне все-таки еще только-только четырнадцать исполнится.

Весталова сделала вид, что в этих откровениях нет ничего особенного, и как бы пропустила их мимо ушей. Это очень хорошо, когда партнеры спят друг с другом. Меньше интереса на стороне. К тому же, если парнишка западает на эту куклу Барби, то действительно это может помочь достичь хороших результатов.

– Посмотри, если к этому костюму добавить вот такой шарфик, ты будешь точь-в-точь, как картинка в журнале, – сменила тему Весталова.

– Ой, правда!

– А если вам с Алексеем удастся выиграть чемпионат Европы, то тебя саму будут в эти журналы на обложки снимать.

Татьяна увидела, что ее последнее замечание попало в цель. Теперь надо было закрепить полученный эффект:

– Только не знаю, нужно ли тебе все это, – задумчиво протянула она. – Это же вкалывать придется день и ночь. Не уверена, что вы к этому готовы.

– Мы сможем, мы все сможем. Знаете, какая я упорная! А Лешка... Он всю жизнь на тренировки раньше всех приходит и целый час самостоятельно элементы отрабатывает.

– Ага, вот и катается лучше всех в вашей возрастной группе, – не удержалась от укола Татьяна.

– Я тоже так буду. Мы выиграем обязательно, – решительно заявила Инга.

– Ну хорошо, дорогая моя, сейчас я тебе вызову такси, чтобы быть в пансионате не слишком поздно. Пожалуйста, Леше передай, что мы вас будем готовить на европейское первенство.

Приехав в пансионат, Инга влетела в Алешину комнату.

– Лешка, знаешь, что я тебе сейчас расскажу! – Она осеклась, увидев, что сосед Алексея по комнате на месте. – Пойдем скорее, поговорить надо. – Схватив за руку, она потащила его в свободный от людей холл. Они спрятались на диванчике в углу, за декоративной пальмой, и начали секретничать.

– Понимаешь, мы европейское, а потом и мировое золото можем выиграть, если будем вкалывать как следует. Представляешь?

Леша плохо понимал про золото, про спортивную карьеру, он чувствовал, что его Инга сидит рядом, к нему прижимаясь, доверяет ему что-то очень важное и он может помочь ей получить то, что она хочет. И не луну с неба, а всего лишь золотую медаль на юниорском первенстве. Опять фигурное катание, как фея из «Золушки», приходило к нему на помощь.

На следующий день, когда Весталова и Карпов пришли на каток, они увидели, что ребята уже вовсю тренируются.

В Свердловске все шло своим чередом. Костышин уже которую неделю не выходил из дома. Даже пить от отчаяния перестал. Часами, днями, неделями лежал, повернувшись к стене лицом. Перестал бриться, делать зарядку. На телефонные звонки он уже давно не отвечал. Не хотел растревать душу пусть даже искренним сочувствием окружающих. Когда надо было доказать, что анонимный донос – чушь и ерунда, все его любимые ученики и товарищи по работе куда-то подевались. Пара, на которую он ставил – Инга Артемова с Алешей Пановым, – уехала в Москву к столичным тренерам. И было обидно до слез.

Конечно, тренеры, работающие на разных уровнях, были, есть и будут всегда. В этом нет ничего оскорбительного. Как и в любой другой области, в спорте есть хорошие, опытные учителя, а есть – профессора, дело которых не искать таланты, а отшлифовывать их так, чтобы они засверкали по-насто-

ящему. К одним ученики приходят в пять, к другим – в пятнадцать, к третьим – в двадцать лет. Никто не задавался вопросом: выиграли бы в девяносто втором в Альбервиле Марина Климова с Сергеем Пономаренко, которые к тому моменту не были даже чемпионами мира, у французов Изабель и Поля Дюшене, если бы не стали тренироваться у Тарасовой? И раньше вся страна работала на Станислава Алексеевича Жука. Саша Фадеев, Марина Пестова, Станислав Леонович, Марат Акбаров приехали к нему из Казани и того же Свердловска. Примеров полно. Оксана Казакова, с которой выиграл Олимпиаду Дмитриев, много лет каталась у Натальи Павловой. Лена Бережная и Антон Сихарулидзе перешли к Москвиной за два года до того, как стали чемпионами мира. Олег Овсянников до того, как уйти к Наталье Линичук, катался в группе Тарасовой. Алексей Ягудин попал в руки Алексея Мишина от Александра Майорова, а Евгений Плющенко и вовсе приехал к Мишину из Волгограда...

И конечно, отношения между тренерами, работающими с чемпионами или потенциальными чемпионами, не всегда безоблачные. Случаются и сплетни и интриги, присутствует зависть и злость... Но чтобы вот так! Не просто отобрать учеников, а еще и унижить. Отлучить от любимого дела. Это мерзко, противно, недостойно.

Но у Льва Николаевича не было сил бороться. Плетью обуха не перешибешь. У Весталовой и Карпова связи и имя. А тренер Костышин – это всего лишь тренер Костышин. Та-

ких по всей стране тысячи. Одним больше, одним меньше – кого это интересует.

Жизнь Льва Николаевича дала крен, и он не знал и не хотел знать, как войти в нормальную колею...

Вдруг он услышал какое-то шуршание в коридоре. Черт, опять не закрыл дверь, наверное, соседская собака забежала и куролесит.

– Лев Николаевич, вы дома? – раздался чей-то смутно знакомый голос.

– Зинаида Федоровна? Что вы тут делаете?

– Да вот пришла вас проведать. Бабульки во дворе говорят, что вы совсем плохи стали.

– Нет, Зинаида Федоровна, у меня все нормально, не волнуйтесь.

– Как тут не волноваться, вы посмотрите, на кого похожи стали. Разве ж так можно? – сердобольно, по-бабьи воскликнула Зинаида.

– Со мной все хорошо...

– Как – хорошо? Где – хорошо? Не ели небось. Вот я вам пирогов напекла, давайте сядем чайку попьем. Где у вас чайник? – Зинаида тактично не стала упоминать о спиртном, чтобы не будить лиха. – Вы приведите себя в порядок, а я пока тут на кухне похозяйничаю.

Пока Костышин принимал душ, чистил зубы, брился, искал свежую рубашку, Зинаида умудрилась поставить рекорд по расчистке авгиевых конюшен, достойный Книги Гиннеса.

са. Она ловко рассортировала и перемыла горю грязной посуды, собрала мусор, окурки, бутылки, вынесла весь хлам на помойку. Когда Костышин вошел на кухню, там уже сверкала чистота, как в рекламе моющих средств, стол был накрыт, чай заварен. Он чувствовал, что возвращается к жизни.

– Вы, Лев Николаич, не убивайтесь. Горе-то, конечно, большое. Но Бог правду видит. Все еще наладится. А дома валяться да пьянствовать – никому еще не помогало. Я, когда поняла, что связалась с воришкой мелким, руки на себя хотела наложить. А тут Лешенька родился. Махонький такой, глазенки голубые, ручки ко мне тянет. Так я и решила – пусть мою жизнь и не выправить, а сыночку я все обеспечу. Если бы вы тогда моего Алешу не заметили, может, он и по отцовским стопам пошел бы.

– Как дела-то у них? Есть вести от Алексея? – спросил Костышин и отметил про себя, что мысль о его лучших учениках снова резанула острым по сердцу. Но он действительно искренне интересовался успехами ребят.

– Звонит иногда. Правда, редко. Вот деньги коплю, чтобы к нему в Москву съездить. Говорит, что к чемпионату они в Европе готовятся, – с гордостью заявила Зинаида. – Вы бы, Лев Николаич, пока за продуктами сбегали, а я тут у вас доприбираюсь.

– Спасибо, я сам.

Когда женщина ушла, Костышин долго курил, смотрел в окно и думал. Рука сама потянулась к бутылке. Глоток водки

обжег горло, и на душе стало еще мутней.

После первого месяца тренировок Татьяна Весталова нашла, что Артемова и Панов катаются неплохо, но проявились и недостатки: фигуристам катастрофически не хватало скорости. И тогда Весталова и Карпов разработали специальную систему функциональной подготовки, нашли на стороне хорошего тренера по физической подготовке, обязали фигуристов бегать и плавать как минимум по часу в день...

И через полгода пара Артемова и Панов с блеском выиграла чемпионат Европы среди юниоров.

О судьбе Льва Николаевича Костышина в праздничной суматохе как-то позабылось. Теперь Инге и Алексею предстояло закрепить свое имя, а там... А там, чем черт не шутит, есть еще вершины во взрослом спорте.

Тренировки стали еще интенсивнее. И Инга работала так самоотверженно, так неистово, что Татьяне Весталовой пришлось признать: Инга больше не довесок к гениальному фигуристу Панову. Инга равноценный партнер. Полновесная половинка талантливого дуэта. И будущее этого дуэта зависит от нее не в меньшей, а даже в большей степени, чем от Панова.

Глава седьмая

Пожар

– Денис Андреевич, можно? – Никита Онисимов осторожно просунул голову в дверь кабинета Грязнова и следом неловко протиснулся сам. – Помните, я обещал выяснить о конкурентах Артемовой и Панова?..

– Помню, разумеется, – ответил Денис. – Склерозом пока не страдаю, а тебе пора бы уже и освоиться. Здесь никто не кусается и не относится к тебе свысока, все мы, в конце концов, когда-то начинали.

– Угу. – Никита согласно кивнул, но румянец смущения не исчез, а, наоборот, разгорелся на щеках настоящим костром.

Никита Онисимов попал в «Глорию» почти случайно. Физические данные, какими он обладал, позволили бы ему сделать карьеру в официальных органах или их спецподразделениях. Умишком парня Бог тоже не обидел. Юрфак МГУ он заканчивал весьма успешно.

Но что дальше? Идти работать в милицию Никита не хотел. Честные милицейские следователи существуют только в кино. В реальной жизни они или быстро перестают быть честными, или их выживают из органов всеми правдами и неправдами. Никита мечтал стать знаменитым адвокатом по

уголовным делам вроде Пери Мэйсона и год проработал в юридической консультации на должности со странным названием «делопроизводитель». Никаких дел он, конечно, не производил – так, перекладывал бумажки с места на место и, в сущности, мало чему научился. Но открыл для себя две истины. Первая: чтобы заработать на адвокатуре, нужно, не гнушаясь, защищать негодяев, иначе его ждет очень скромное, может, даже нищенское существование и бесконечное ожидание «процесса века», который принесет славу, а с ней и благополучие. И вторая истина: если даже подвернется шанс прославиться и разбогатеть, то рассчитывать придется только на себя. В современной России адвокат должен быть не только законником, но и сыщиком и менеджером.

В общем, из юрконсультации Никита ушел и работал тренером по дзюдо в детской спортивной школе, где совсем недавно и сам тренировался, а по ночам штудировал учебники по праву и зачитывался детективами. Его судьбу перевернул, вернее, подкорректировал Владимир Геннадиевич Лапшин – непосредственный начальник и руководитель секции.

Шеф частного сыскного агентства «Глория» Денис Грязнов иногда заходил к Лапшину в спортзал размяться, по-совершенствоваться в искусстве восточной борьбы и просто для поддержания физической формы. Отношения между ними были не то чтобы дружеские, но по-хорошему приятельские. Владимир Геннадиевич в предоставлении спортплощадки никогда не отказывал, наоборот, всегда был Дени-

су рад. И после тренировки они неизменно пили настоящий «Липтон» в кабинете тренера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.